

МОСКВИТЯНИНЪ.

1843.

ЧАСТЬ I.

№ 2.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

I.

НЕДУГЪ.

Душѣ во благо, жизни битва
На тѣло язвы намъ дасть:
Елеемъ тихая молитва
Изъ нихъ цѣлительно течеть,
И душу сладко умащаетъ.
Такъ у Арабскаго шатра
Больная дерева кора
Благоуханно источаетъ
Любимый Богомъ еиміамъ,
Чтобъ послѣ облакомъ куренья,

Кн. II.

23

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІА.

ПРОГУЛКА ПО ТУЛЬ

и

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЕЯ ОКРЕСТНОСТЯМЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Не фантастическую повѣсть, сильно пропитанную юродствующимъ воображеніемъ, намѣрены мы теперь писать, и не романъ въ духъ отчаяннаго Сю, и не фельетонный очеркъ, животрепещущій современнымъ интересомъ, предлагаемъ вамъ, читатель нашъ благосклонный.... Нѣтъ! мы намѣрены обратить ваше вниманіе на предметы совсѣмъ другаго рода, предметы, въ которыхъ не найдете ни тѣни мечты, ни слова вымысла. Мы живемъ въ вѣкъ самой упорной сомнительности, невѣрія, чистаго скептицизма. Скептики, будто бы изучивъ наши древности, крѣпко сомнѣваются въ нашихъ лѣтописяхъ; малограмотные, не понимая, что глаголятъ, ни во что ставятъ записки современниковъ; прочіе говорятъ, что все идеальное уже давно наскучило, надоѣло имъ, какъ надоѣдаетъ одинъ и тотъ же мотивъ, одна и таже пѣсня. Очень хорошо. Такъ попробуемъ взять красокъ у существенности, у дѣйствительнаго, и, если мы напишемъ эскизы блѣдные, безъ успѣха, не угодимъ вашему вкусу, то обвиняйте въ томъ насъ, именно насъ, а не существенность, которая въ такихъ вещахъ также виновата, какъ и вы.... Не удивляйтесь титулу разсказа нашего: въ немъ ни крошечки нѣтъ изысканнаго, затѣйливаго; заглавіе книги еще ничего не значитъ, ничего не доказываетъ.

Послѣ втораго Тульскаго пожара, превратившаго въ пепель болѣе пяти сотъ домовъ несчастныхъ жителей, пожара, въ ко-

торомъ (скажемъ кстати) сгорѣлъ и нашъ укромный пріютъ, мы переѣхали тогда въ одно изъ отдаленнѣйшихъ предмѣстій города, лежащее въ долину, понимаемой вешнею водою тихой, несудоходной Уны. Погрустивъ о невозвратимыхъ лишеніяхъ, и взваливъ всю вину на судьбу, которой грознымъ велѣніемъ, (также скажемъ кстати), давно повинуемся съ непоколебимымъ самоотверженіемъ, мы полагали, что она, наша судьба, забросила насъ въ эту глушь, въ эту Новоголландію, для того именно, чтобы однимъ ударомъ поразить, уничтожить насъ. На этотъ разъ мы жестоко ошиблись! Справедливо сказала какой-то Рейсъ-Эфендій, что «когда предопредѣленіе захочетъ исполнить какой-нибудь изъ своихъ приговоровъ, такъ не знаешь, откуда берутся случаи да обстоятельства.» Въ самомъ дѣлѣ, не пошлая случайность и не крайность нашего положенія, а все-таки она же, всемогущая судьба, прежде наградила насъ помѣстьемъ, принадлежавшемъ покойной крестной матери нашей графини Д., близъ Тулы, потомъ силою своей воли перенесла насъ въ старое жилище покойнаго крестнаго отца нашего, премьеръ-маіора К. — Деревянные хоромы, какъ обыкновенно называютъ ихъ Новоголландцы, куда втокнула насъ необходимость, находятся въ шести только саженьяхъ отъ того свѣтлаго, опрятнаго, хорошенькаго домика, теперь уже не существующаго, въ которомъ страдала наша мать, выкупая тяжкими страданіями жизнь нашу и гдѣ мы увидѣли свѣтъ Божій. По мнѣнію нашему, читатель нашъ благосклонный, судьба не совсѣмъ безъ намѣренія опредѣлила намъ здѣсь жить: она, по видимому, хотѣла, чтобы мы взглянули на священное для насъ мѣсто: вотъ тамъ, гдѣ теперь лежитъ груда камней, поросшихъ высокою травою, гдѣ еще растетъ одна яблоня и одна черемуха — обѣ старыя старухи, кокетливо убираясь каждую весну въ тысячи благоухающихъ цвѣтовъ — это наше пепелище. Здѣсь нѣкогда совершались обряды христіанской религіи и на младенца возложили крестъ животворящій. Этотъ младенецъ выросъ, возмужалъ и уже въ зрѣломъ возрастѣ возвратился на свою родину.... Кажется вѣка прошли съ того времени, когда мы, съ робкою застѣнчивостію, приносили поздравленіе крестному отцу нашему въ день его именинъ, а какъ сочтешь, такъ выходитъ въ итогѣ не Богъ же знаетъ сколько лѣтъ этой мнимой вѣчности. Длин-

ный періодъ времени миновался, мы утратили лучшія лѣта жизни, потеряли незабвенныхъ, оплакали тѣхъ, которыхъ любили, но сохранили нашу драгоценную святыню, нашъ палладіумъ вѣры, нашъ крестъ животворящій.... Мы никогда не были мистиками, никогда не пытались разгадывать того, что выше нашихъ понятій; но воля ваша, а въ этомъ охотно сознаемся, есть смыслъ и смыслъ религіозный, таинственный.

Предмѣстіе, о которомъ мы начали говорить, находится между двухъ небольшихъ ручьевъ и рѣкой Упой, такъ, что его можно назвать полуостровомъ, котораго одна сторона, примыкающая къ подошвѣ горы, въ дождливую погоду непроходима. Если бы не было моста, теперь прочнаго, но тогда дурнаго и опаснаго, перекинутаго черезъ одинъ изъ этихъ ручьевъ, то въ такое время сообщеніе съ городомъ совершенно бы прекратилось. Въ 1800 году, въ Апрѣлѣ, чрезвычайное наводненіе затопило все это пространство: по улицамъ ѣздили на лодкахъ и плотахъ, а бѣдные жители спасались на чердакахъ домовъ своихъ и даже на кровляхъ, гдѣ прикрѣпляли къ трубамъ люльки съ дѣтьми.... Въ такомъ-то мучительномъ положеніи они провели три дня и три ночи!... Въ 1833 году наводненіе повторилось, но вода не заливала всего предмѣстія. Кромѣ этихъ необыкновенныхъ явленій, каждую весну жители его терпятъ немаловажныя потери отъ воды, обильно разливающейся по улицамъ, примыкающимъ къ луку, омываемаго Упой. Скажемъ мимоходомъ, что здѣсь двѣ улицы имѣютъ мостовую, если только можно назвать мостовой рядъ камней, втиснутыхъ въ землю какъ ни попало. Она сдѣлана, если вѣрить старожиламъ, еще при губернаторѣ Гедеоновѣ, давно. .. въ прошломъ вѣкѣ. Прочія улицы сохранили первобытное свое состояніе, то есть, они остались тѣми же, какими были со временемъ заселенія этаго полуострова рыбаками.... Рыбаки туземцы Новоголландіи въ Туль.

Да простятъ насъ миролюбивые жители ея за то, что мы, описывая съ топографическою точностію доскутокъ земли, едва примѣтный на картѣ этой губерніи, доскутокъ, на которомъ они рождаются, живутъ и умираютъ, прежде упомянули о камняхъ, о мостовой, потомъ намѣрены говорить о достопримѣчательнѣйшихъ обитателяхъ ея... Право, все это случилось такъ, безъ умысла. Впрочемъ, скромность здѣсь не у мѣста.... Хотя

мы и плохіе знатоки въ Геогнозіи, однакожь, признаемъ, мы больше понимаемъ и свойство камней, нежели свойство нѣ-которыхъ людей...

Жители Новоголландіи въ Туль состоятъ изъ разночинцевъ, купцовъ, мѣщанъ, семинаристовъ и отставныхъ солдатъ. Но такія показанія были бы ошибочны и невѣрны, если бы мы не сказали, что здѣсь живутъ и нѣсколько дворянъ, коихъ родословныя хранятся въ Депутатскомъ Собраніи, занесенныя, какъ и мы, бурею обстоятельствъ въ это захолустье. Они здѣсь наши аристократы или что-то такое похожее на аристократовъ, на которыхъ всѣ смотрятъ съ подобающимъ уваженіемъ, и которыхъ голосъ имѣетъ силу, тонъ и значеніе. Относительно точнаго числа всего народонаселенія Новоголландіи въ Туль, то ужъ на этомъ извините, этаго рѣшительно никто не знаетъ, потому что фактовъ не имѣется; а если и находятся кой-какіе приблизительныя догадки, то онѣ еще далеки отъ истины. Дворяне, доживающіе остатокъ своей старости, проводятъ время въ тихой праздности; канцелярскіе труженники и семинаристы, первые всякой день по буднямъ путешествуютъ въ присутственныя мѣста, находящіяся отсюда съ добрыхъ двѣ версты, а послѣдніе «на голосъ благовѣствующія науки.» — Купечество третей гильдіи занимается покупкою скота въ Украинѣ, и здѣсь есть мѣсто, усыянное кочками, куда пригоняютъ его на смотръ, и гдѣ продаютъ его мясникамъ и прасоламъ. Многіе мѣщане промышляютъ мелкими статьями нашей отечественной производительности, вознаграждающей ихъ труды, и дающей имъ средство существовать безбѣдно. Но эти многіе не составляютъ еще всѣхъ. Надобно обратить внимательный взглядъ на бѣднѣйшія семейства, живущія здѣсь въ лачугахъ, чтобы имѣть понятіе о совершенной нищетѣ, о которой вы даже и не читывали въ книгахъ. Мы не станемъ описывать вамъ, на какихъ результатахъ бѣдности останавливался нашъ печальный взоръ, изумленный невообразимымъ зрѣлищемъ. Скажемъ только, что эти злополучные, не просящіе милостины, терпятъ чрезвычайный недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни. Повѣрятъ ли, что они часто не ѣдятъ по два дня сряду.... Это ужасно!... Между тѣмъ какъ вы, играя въ карты, преспокойно сидите на креслахъ Пика, или утонули въ

эластическомъ диванѣ Гамбса, въ ожиданіи вкуснаго и не рѣдко роскошнаго обѣда или ужина; подумайте, что въ это время многія семейства доѣдаютъ послѣдній кусокъ хлѣба, обливая его слезами; что они, эти бѣдные граждане, о существованіи которыхъ вы и не подозреваете, ума не приложить, какъ бы имъ, цѣною неимовѣрнаго труда, истощающаго ихъ физическія и душевныя силы, заработать деньги, которыми вы постыдились бы наградить вашего служителя. Если такое состояніе людей заставитъ васъ содрогнуться, и если вы, добрые Туляне, пожелаете подать имъ руку помощи, то мы осмѣливаемся предложить вамъ самое вѣрное средство облегчить ихъ участь. Начинаемъ съ того, что картежная игра, столько гонимая филантропами и столько необходимая въ обществѣ, въ этомъ случаѣ можетъ принести благотворныя послѣдствія. «Картежная игра можетъ принести благотворныя послѣдствія!» повторять умники гостиныхъ. «Да это просто нелѣпость!» воскликнуть они. Выслушайте, господа, потомъ обвиняйте. Извѣстно, что въ Тулѣ, начиная съ Октября до Апрѣля, каждый день распечатаютъ круглымъ счетомъ десять дюжинъ картъ; но съ Апрѣля до Октября съ небольшимъ одну дюжину, такъ что годовая пропорція распродажи картъ въ нашемъ городѣ восходитъ до двухъ тысячъ дюжинъ, составляющихъ двѣнадцать тысячъ игръ. Извѣстно также и то, что въ преферансъ играютъ однѣми и тѣми же картами три и даже четыре пули, но въ вистъ почти всегда двѣ. Положимъ, что сказаннымъ количествомъ картъ сыграютъ въ продолженіи цѣлаго года до двадцати тысячъ пуль во всѣ коммерческія игры, не исключая и любимыхъ палокъ. Определите, сдѣлайте между собою условіе, въ слѣдствіе котораго собиралась бы одна серебряная гривна за каждую пулю, какъ обыкновенно собираютъ деньги за карты откладывая извѣстное число марокъ. Только одну серебряную гривну, что составляетъ тридцать пять копѣекъ на ассигнаціи, изволите слышать, добрые Туляне? Кажется меньше этой серебряной монеты и придумать нельзя, и предложить совѣстно, а посмотрите, въ итогѣ оказывается уже около семи тысячъ рублей сбора — сумма, довольно значительная. Такимъ образомъ въ теченіи круглаго года легко можно облегчить участь пятидесяти семействъ, часто не имѣющихъ дневнаго пропитанія.

Но чтобы приступить къ этому дѣлу, для этаго необходимо надобно, вопервыхъ общее согласіе нашихъ знаменитостей. безъ чего ни одна полезная мысль, ни одно благодѣтельное начинаніе не могутъ получить надлежащаго развитія; а вторыхъ: учредить общество, состоящее изъ шести, или семи членовъ, не болѣе, цѣль котораго была бы неутомимая дѣятельность относительно картежнаго сбора; потомъ строгія мѣры, долженствовавшія разрѣшать всѣ недоразумѣнія касательно дѣйствительной нищеты тѣхъ, которымъ будутъ назначаться денежные пособія. Теперь возникаетъ вопросъ: кто же составитъ это предполагаемое общество? Отвѣчаемъ: наши дамы. Кому же, какъ не нашимъ дамамъ въ Туль, принять на себя эту священную обязанность, сопряженную съ такимъ христіанскимъ назначеніемъ? Кому, какъ не имъ достунѣе челоуколюбіе и состраданіе? Онѣ такъ чувствительны, нѣжны, внимательны.... Ихъ сердце скорѣе откликнется на зовъ болѣзненныхъ стenanій; ихъ душу скорѣе тронетъ крикъ младенца, напрасно высасывающаго изъ холодной груди матери питательную влагу, которой у нее нѣтъ.... Благородные члены такого общества по справедливости могли бы называться сестрами милосердія, а председательница его — милостино-раздавательницею. Можетъ быть слабый голосъ нашъ не совсѣмъ напрасно раздастся въ пустынѣ, можетъ быть робкая мысль наша глубоко западетъ кому-нибудь на сердце, гдѣ взлѣетъ ее чувство, а умъ и средства дадутъ ей болѣе опредѣлительные размѣры. По крайней мѣрѣ мы убѣждены, что имена людей, сочувствующихъ къ бѣдствіямъ своихъ собратій, запишутся въ великую книгу челоуческихъ состраданій — перомъ, вынутымъ изъ крыла ангела-хранителя ихъ....

Въ семь лѣтъ, проведенныхъ нами въ Новоголландіи въ Туль, мы коротко могли узнать нравы и обычаи ея жителей. Намъ казалось, что въ высшей степени бѣдность, здѣсь обитающая, о которой мы позволили себѣ сказать нѣсколько горячихъ словъ, способна на всѣ незаконныя приобрѣтенія, на всѣ пороки, унижающія челоучество, словомъ, мы полагали, основываясь на данныхъ, что гдѣ бѣдность, тамъ непременно должно быть и преступленіе. И мы грубо ошибались вмѣстѣ съ Монтеスキе и Беккаріемъ. Опытъ убѣдилъ насъ въ против-

номъ. Въ продолженіи этаго времени, мы не слышали ни о какихъ происшествіяхъ, влекущихъ за собой неприятныя послѣдствія, въ чемъ и свидѣтельствуемъ положи руку на сердце, какъ это дѣлали наши предки.

Нѣсколько разъ мы обращались съ вопросами къ Новоголландцамъ о томъ, что въ ихъ краѣ замѣчательнаго? Многіе прикинулись, что насъ не понимаютъ, но нѣкоторые просто-душно вступили съ нами въ разговоры.

— Какая наша сторона, ваше высокоблагородіе, сказала отставной солдатъ, застегивая крючки у своего воротника, сторона скучная, отдаленная, хуже иной деревни, хотя и населена добрыми людьми. У насъ нѣтъ храма Божьяго: въ праздникъ нѣгдѣ помолиться. Иди за-мостъ, къ Николѣ за-валь, а въ водополье сиди какъ въ осадной крѣпости.... Что у насъ есть? Ни фабрики, ни завода, ни трактира, ни харчевни, ни постоялаго двора—ничего этого у насъ не имѣется. Въ лавочкѣ нашей, говоритъ моя хозяйка, хоть не покупай чаю, да и сахару тоже: пахнутъ канфарой, а иногда дѣттемъ. И всю съѣстную провизію приносятъ къ намъ изъ города. Что же касается до питейнаго, то здѣсь вино ледящее (при этомъ онъ поморщился), пиво хуже браги (туть онъ плюнулъ). Право, напрасно вы, ваше высокоблагородіе, заѣхали въ такую даль.... пропадете со скуки.

— Вашему высокоблагородію угодно знать, что у насъ всего замѣчательнѣе? сказала другой отставной солдатъ, вытягиваясь и опуская руки по швамъ. По моему такъ вотъ этотъ домишка, говорилъ онъ, указывая на что-то такое, похожее на избу-верхоглядку, потому что она наклонилась на дворъ. Въ немъ жилъ тотъ инвалидъ, теперь уже умершій, о которомъ рассказываютъ вотъ какое приключеніе: Въ какомъ-то сраженіи одинъ кавалерійскій полкъ Наполеоновой гвардіи сдѣлалъ видъ, что онъ намѣренъ идти въ атаку на батарею нашу, находившуюся подъ прикрытіемъ трехъ эскадроновъ уланъ. Пѣхотный генераль, командовавшій батареей, приказалъ отогнать Французовъ гранатами. Бомбардиръ тотъ самый, о которомъ мы докладываемъ в. в., отвѣчалъ генералу, что, по случаю проливныхъ дождей, артиллерійскіе снаряды отсырѣли, и не могутъ съ успѣхомъ дѣйствовать по неприятелю. «Какой вздоръ!» вскричалъ генераль; «заряжать гранатами.

Тутъ банбардиръ подошелъ къ своему начальнику, досталъ изъ сумы картузь, вынулъ изъ него гранату, и приставивъ горѣвшій фитиль къ ея отверстію, наполненному, какъ извѣстно, бранскупельнымъ составомъ, хладнокровно сказала: «Извольте сами посмотрѣть, ваше превосходительство, составъ отсырѣлъ?» — Генераль также равнодушно, вынувъ изъ рта дымящуюся сигару, которую курилъ, и, отряхнувъ съ нее пепель, повторилъ тотъ же опытъ надъ гранатою. Всѣ окаменѣли отъ страха, ожидая каждую секунду ея воспламененія. «Да, отвѣчалъ генераль, продолжая курить сигару, гранаты не годятся; такъ катайте Французовъ ядрами.»

— Если это приключеніе вамъ полюбилось, баринъ, произнесите одинъ изъ туземцевъ Новоголландіи, посмотрѣвъ на насъ съ комическою важностію, такъ ужъ послушайте и другой.

«Покойники старики наши рассказывали, началъ говорить онъ, плотно запахнувши свою синюю свиту, что у насъ здѣсь жилъ казначей, а когда именно не извѣстно, да и на прозвище не взыщите, не помню. Этотъ казначей былъ человекъ, знаете, честный, справедливый, богобоязливый, предобрѣйшая душа, да такой честный, что прослуживъ почти тридцать лѣтъ и пересчитавъ миліоны, къ рукамъ его, видно, не прилипали ни серебро, ни золото, ни царскія бумажечки. Граждане почитали, чествовали его, а начальство награждало денежными подарками, а потомъ и кавалерію повѣсило ему въ петлицу. Раннимъ утромъ ходилъ онъ, бывало, къ своей должности, и когда встрѣчался съ знакомыми на улицѣ, то первый снималъ шляпу или теплый картузь, сниметь да и поклонится. Поклонившись, онъ всегда ужъ называлъ того, съ кѣмъ встрѣчался, по имени и по отчеству. «Здравствуйте!» скажетъ, такой-то или такая-то. И когда придетъ въ казначейство, то и засядетъ за столъ, и просидитъ себѣ, сердечный, всѣ указные часы почти не сходя съ мѣста. Возвратившись домой, онъ выпивалъ большую рюмку настойки, потомъ обѣдалъ, потомъ отдыхалъ; вставши казначей опять шолъ къ своей должности.... Такой неугомонный былъ онъ на службу, что немного заботился и о домашнихъ своихъ дѣлишкахъ, которыя исправляла жена его. И то молвить: вѣдь хозяйство дѣло бабѣ, а оно брело у ней на порядкахъ. Правда, ничего не было у нихъ лишняго, за то ни въ чемъ не было и недостатка. Благодарили они,

оба, Господа Бога и Святыхъ Его угодниковъ, и жили во всякомъ довольствѣ. Въ тридцать лѣтъ, баринъ, много воды утечетъ, много хлѣба съѣсть народъ православный, да ужъ и имущества—то прибавится не мало, если берегутъ копейку на черный день, завязывая ее въ три узелышка. Потовыми трудами и бережливостію казначей нашъ накопиль, сказываютъ, тысячь съ десятокъ рублей, изъ которыхъ ни одинъ рубль не наводилъ краски на лицо его, а на совѣсть раскаянія. Хотя въ нашемъ краѣ, вамъ извѣстно, нѣтъ почти такихъ озорниковъ, которые днемъ засматриваются на чужбину, примѣчая гдѣ плохо лежитъ, а ночью таскаются и обижаютъ добрыхъ людей, да все-таки, знаете, какъ-то жутко держать дома такую охалку денегъ. Узнають объ нихъ за-упскіе Черкесы, думалъ казначей (Новоголландцы дѣйствительно называютъ Черкесами—оружейниковъ), такъ и поминай какъ звали мой капитадецъ. Долго думалъ онъ думу крѣпкую: куда бы ему пристроить свои денежки. Неравенъ случай: отъ лихаго человѣка еще остеречься можно, а отъ пожара кто остережется? Наконецъ казначей нашъ ради безопасности рѣшился спрятать отъ дурнаго глаза сундучекъ свой въ подвалъ казначейства. Тамъ, думалъ онъ, никто и никогда не похититъ его капитадецъ. Вздумано, сдѣлано. Онъ успокоился, на душѣ у него повеселѣло. Прошло года полтора, казначей схватила какая-то немощь, онъ заболѣлъ, слегъ въ постель.... И вотъ новый начальникъ его, (видно былъ онъ человѣкъ, какъ бы вамъ сказать, безсовѣстный, безстыдный), увѣдалъ отъ кого-то, что въ казначействѣ хранятся собственныя деньги казначей. И корысть укусила его въ сердце, а сатана шеинулъ ему въ уши: возьми! Въ одинъ день, когда свидѣтельствовали казну, которая всегда оказывалась въ наличности до полушки, этотъ злой начальникъ ни съ того, ни съ сего вдругъ отрѣшилъ казначей отъ должности.... Чиновникъ, который принялъ ключи отъ подвала казначейства, уличивъ время, разломалъ дно у сундука, вынулъ изъ него извѣстный вамъ капитадецъ, и доставилъ его своему начальнику. Не долго жилъ послѣ этой оказіи казначей: онъ умеръ, бѣдняжка, съ горя. Но и губителей его покаралъ Всемогущій: начальника, за какое-то лихоимство, удалили отъ службы съ позоромъ, а чиновника за такіе же грѣхи сослали въ Сибирь на вѣчныя времена....»

— О какой кавалеріи говорилъ ты, которая висѣла у казначея въ петлицѣ? серьезно спросилъ рассказчика пожилой Новоголландецъ.

— Ну, вѣстимо о какой: о золотомъ крестѣ! отвѣчалъ рассказчикъ.

— Онъ его не имѣлъ. Надъ могилою его поставили деревянный крестъ — вотъ такъ это правда, замѣтилъ тотъ, кто спрашивалъ.

Извѣстія о Новоголландіи въ Тулѣ день-ото-дня дѣлались полнѣе и разнообразнѣе. Съ непритворною радостію выслушивали мы изустную хронику, записывали каждое слово, каждое выраженіе, и все это передаемъ въ надлежащей точности. Однажды, когда мы сидѣли съ пріятелемъ нашимъ, Мардаріемъ, едва разцвѣтшимъ для жизни, съ которымъ послѣ познакомимъ васъ, нашъ читатель благосклонный, къ намъ вошелъ въ комнату канцелярскій труженикъ, опрятно одѣтый и при часахъ.

— Милостивый государь, сказалъ онъ, почтительно поклонившись, я нѣсколько разъ заходилъ къ вамъ, но не получалъ васъ дома. Теперь очень радъ, что наконецъ могу васъ видѣть и говорить съ вами.

— Чтò вамъ угодно? спросили мы, не догадываясь въ чемъ состояло дѣло.

— Вы собираете, какъ я слышалъ, разныя справки о нашемъ предметѣ, продолжалъ онъ, и я, буде не противно, могу сообщить вамъ одно документальное обстоятельство, и надѣюсь, что вы примите его къ свѣдѣнію.

— Хорошо, говорите....

— Извольте посмотрѣть въ окошко вонъ на тотъ необитаемый, полуразвалившійся домъ съ пятью окнами, что на углу, почти напротивъ дома вашего сосѣда.... Видите?... Онъ съ одной трубой, кровля его заросла густымъ мохомъ, а дворъ высокою травой. Въ этомъ-то домѣ, лѣтъ осмнадцать тому назадъ, съ незапамятныхъ временъ имѣли жительство Фараоны, попросту Цыгане, тѣ самые Фараоны, которые теперь, сказываютъ, въ такомъ почетѣ въ обѣихъ нашихъ столицахъ. Атаманъ ихъ Илья, сестры его Даша и Маша, съ многочисленными соплеменниками своими, и тогда пѣвали пребезподобно.... Грѣха не поятаю: и я, бывало, всю ноченьку

на пролетъ прослушаю ихъ, когда господа гуляки веселились въ этомъ таборѣ. Не знаю какъ вы, а я и теперь еще отдаля бы два цѣлковыхъ изъ моего жалованья, только бы хотъ однимъ ухомъ послушать ихъ пѣсенъ.... Объяснивъ документальное обстоятельство, канцелярскій труженикъ, поклонясь, вышелъ.

Мардарій, смотря въ ему въ слѣдъ, сказалъ:

— Это онъ говорилъ тебѣ о тѣхъ Цыганахъ, которые поютъ то въ Петровскомъ воксалѣ въ Москвѣ, то въ Павловскѣ въ Петербургѣ.... Иногда ихъ призываютъ и туда, гдѣ даютъ званые вечера и даже балы. Кто не знаетъ этого хора? Вскружили они головы не однимъ канцелярскимъ труженикамъ. Молодежь отъ нихъ безъ ума, дамы съ удовольствіемъ ихъ слушаютъ, да и почтенные старички не отказываются отъ соблазнительнаго напѣва Фараоновъ — напѣва, о которомъ мнимые знатоки музыки отзываются съ такимъ презрѣніемъ, а сами между-тѣмъ въ тайнѣ восхищаются тѣмъ, что гласно ругаютъ....

Новоголландцы въ Тулѣ если увидятъ проѣхавшія дрожки, тотчасъ обращаютъ на нихъ все свое вниманіе. Здѣсь рѣдкіе имѣютъ этотъ экипажъ, а колясокъ и каретъ только по одному экземпляру, да и тѣ помнятъ губернатора Иванова, бывшаго въ Тулѣ въ первомъ десятилѣтіи нашего вѣка. Вѣроятно, вы замѣтили, что мы давность времени опредѣляемъ губернаторами. Губернаторы здѣсь тоже, что у Грековъ были олимпіады, у Римлянъ люстры, или что въ Исторіи эпохи, періоды. Хронологія здѣшняго края ими начинается, ими и оканчивается. Время до открытія намѣстничествъ, Новоголландцы считаютъ баснословнымъ, мифическимъ временемъ. Они живутъ въ уединеніи. Здѣсь не увидите общественныхъ движеній, ни какого суетнаго волненія, все тихо, смирно, спокойно какъ по праздникамъ въ Лондонѣ. Иногда, правда, посѣщаютъ они другъ друга, размѣниваются визитами; иногда пріѣзжаютъ къ нимъ знакомые изъ города; но такіе случаи не часто повторяются. «Словомъ, сказалъ намъ одинъ разсудительный Новоголландецъ, мы проводимъ жизнь если не совсемъ жалкую, то ужъ, конечно, не лучше вотъ этихъ плакучихъ ивъ, растущихъ въ нашихъ садахъ и огородахъ.

Оглядѣвшись въ нашемъ скромномъ жилищѣ, котораго ветхія обои на стѣнахъ съ вычурными узорами и кафельныя печи съ тоненькими колоннами, поддерживающими карнизы ихъ вмѣстѣ съ потолкомъ, и филанчатыя двери, едва держащіяся на заржавленныхъ петляхъ, и кресла и стулья, все, все напоминало намъ знакомое, минувшее, былое. Увлекаемые непродолимою силою воспоминанія, мы часто невольно предавались упоительно-грустному сомозабвенію, погружались въ думы, въ поэтическій сомнамбулизмъ, если такъ можно выразиться. Какія печальныя развалины прошедшаго! Сколько обманувшихся надеждъ, взгроможденныхъ одинъ на другія; сколько горькихъ разочарованій, глубоко разившихъ сердце; сколько вздоховъ, горячихъ слезъ!... Да это, въ самомъ дѣлѣ, огромныя развалины нравственнаго бытія нашего, думали мы. Когда, бывало, въ темную осеннюю ночь завоетъ вѣтеръ, раздвигаются ставни у нашихъ окошекъ и застучать стекла въ рамахъ, между-тѣмъ какъ въ восемь часовъ вечера всѣ дома крѣпко-накрѣпко заперты, а на улицѣ нѣтъ ни души, кромѣ докучливыхъ собакъ, перекликающихся другъ съ другомъ своимъ несноснымъ лаемъ, въ это скучное и мрачное время, мы, смотрѣвъ на фантастическіе предметы, насъ окружающіе, думали: вотъ бы все это таланту! Въ одинъ присѣсть посвѣла бы у него повѣсть! Да еще какая повѣсть! Волосы бы стали дыбомъ на головѣ у легковѣрнаго юноши, тихонько, украдкою прочитавшаго отъ своего наставника такое страшное созданіе. Зимой мы рѣдко оставляли уединенное наше жилище, и, если бывали въ обществѣ, то это для того, чтобы не совсѣмъ потерять небольшое наше знакомство. Мы встрѣчали день и провожали ночь въ одиночествѣ.... Одиночество! Знаете ли вы его? Не правда ли, что отъ этого слова какъ бы навѣваетъ уныніемъ, тоскою, кручиною? Но весною и лѣтомъ мы гуляли по берегу Упы, катались въ маленькой лодкѣ, удили рыбу, или бродили безъ плана, безъ цѣли по окрестностямъ Новоголландіи, имѣющей довольно открытыя виды. Такія однообразныя, монотонныя прогулки, не оставившія ни какого впечатлѣнія, еще менѣе пріятныхъ воспоминаній, были, такъ сказать, предисловіемъ къ прогулкамъ, несравненно продолжительнѣйшимъ....

Такъ прошли семь лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени

иногда навѣщали насъ два наши искренніе пріятеля, жившіе въ другихъ частяхъ города, съ которыми мы намѣрены познакомиться и васъ, читатель нашъ благосклонный.

Одинъ изъ нихъ Тульскій старожиль, оригинальный человекъ во всѣхъ отношеніяхъ, давно оставившій гражданскую службу, принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ людямъ, которые смотрятъ на вещи со всевозможнымъ безпристрастіемъ и изумляющею проницательностію, и которые основываютъ свои мнѣнія на собственномъ убѣжденіи, а не прислушиваются къ чужому мнѣнію, не крадутъ чужихъ идей изъ книгъ, не берутъ чужаго ума на прокатъ. Тульскій старожиль имѣлъ душу постоянно настроенную къ нѣжнѣйшимъ ощущеніямъ, къ благороднѣйшимъ побужденіямъ сердца, къ благотворительности.... Вѣчный врагъ предрасудковъ, сплетень, злословія, онъ всегда двусмысленно улыбался, когда, бывало, зайдетъ рѣчь о тѣхъ, которые смотрятъ овцой, а кусаются волкомъ. Патріотизмъ его доходилъ до восторженности, до фанатизма; но любя свое отечество, онъ, однако, не хвалилъ того, что у насъ еще дурно, или что заслуживаетъ порицаніе. Онъ имѣлъ мягкій, кроткій, уступчивый характеръ, и часто говаривалъ, что все это со временемъ измѣнится, когда люди замѣтятъ собственныя свои странности и заблужденія. «Если вы хотите жить въ обществѣ такъ, чтобы васъ уважали, продолжалъ онъ, то уклоняйтесь пересудовъ и, главное, будьте терпѣливы. Впротивномъ случаѣ вы накличете на себя враговъ, иногда опасныхъ.» — На эту философскую выходку возражалъ Мардарій, другой нашъ пріятель, называя въ шутку Тульского старожила дѣдушкою Аристархомъ.

— Дѣдушка Аристархъ, говорилъ молодой вѣтренникъ, да если меня забрызгаютъ грязью клеветы или толкнуть въ болото сплетень, не прикажете ли мнѣ сказать имъ за это спасибо?

— Оставь ихъ въ жертву собственной глупости и удались: это будетъ для тебя полезнѣе. Повѣрь мнѣ, что подобные люди не достойны нашего негодованія.

— Эхъ, дѣдушка Аристархъ, съ вашей философіей не дальше уѣдешь вотъ этого высокаго порога, черезъ который надобно лазить, а не ходить, возражалъ вѣтренникъ, указывая на остатокъ стариннаго плотничества.

— Ну, такъ живи какъ знаешь, другъ мой. Только предсказываю тебѣ, что ты всегда будешь игралищемъ заблужденія и рабъ собственныхъ страстей, говорилъ старикъ, смотрѣвъ на Мардарія съ видомъ челоѵка, искренно желающаго добра своему ближнему.

— Резонерство, дѣдушка, резонерство! воскликнулъ его умолимый противникъ, охорашиваясь въ своемъ щегольскомъ костюмѣ.

— Да, другъ мой, это Французское словечко нынче въ ходу, въ модѣ. Ничего нѣтъ мудренаго, если оно обрусѣетъ до пошлости, отвѣчалъ старикъ, застегивая на пуговицы длиннополый сюртукъ свой.

— Впрочемъ, покорно благодарю васъ за совѣтъ; я постараюсь имъ воспользоваться, и при первомъ удобномъ случаѣ докажу, что я не напрасно бралъ уроки въ фектовальномъ искусствѣ и совѣмъ не дорожу ушами моихъ будущихъ враговъ, прибавилъ юноша.

И мы всѣ трое смѣялись, бывало, подобнымъ преніямъ.

Молодой мой пріятель, Мардарій, котораго возраженія приводили иногда въ замѣшательство Тульскаго старожила, былъ взлелѣянъ Французскимъ менторомъ. Это былъ юноша не безъ образованія, съ свѣтлою головою, съ пылкимъ характеромъ, котораго взрывы на черныя стороны нашей отечественной литературы, нашего общественнаго быта и нашего кваснаго патріотизма, поливали цѣлыми потоками самыхъ язвительныхъ сарказмъ и эпиграммъ. Но онъ былъ добръ и благороденъ. Часто, въ минуты одушевленія, онъ высказывалъ рѣзкую правду, горькую истину, и если бы можно было все это напечатать, то заскряпѣли бы гусиные перья по бумагѣ....

Литтературныя бесѣды наши продолжались иногда далеко за полночь. Тульскій старожилъ былъ литтературный космополитъ: онъ также восхищался классиками, какъ и любилъ романтиковъ. Творенія древнихъ и новѣйшихъ писателей извѣстны были ему не изъ переводовъ: оно изучалъ ихъ въ подлинникѣ. Старикъ былъ язычникъ: онъ владелъ Греческимъ, Латинскимъ, Итальянскимъ, Нѣмецкимъ и Французскимъ языками, но говорилъ только на одномъ — Французскомъ. Напротивъ, Мардарій, кланяясь мыслию до земли созданіямъ Шекспира и Байрона, Гюго и Жоржъ-Занда, жестоко

изволилъ шутить надъ классиками, называя ихъ рыцарями на ходуляхъ, вооруженными тремя единствами. . . . После этого очевидно, что мнѣнія и вкусы ихъ расходились тамъ, гдѣ дѣло шло о дидактикѣ, эпопеи, драмѣ и о подобныхъ вещахъ. Мардарій утверждалъ, что сочиненія Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Петрова, Державина (кроме его одъ), Богдановича (кроме его Душеньки), Шишкова и многихъ другихъ, давно уже сданы въ архивъ, потому что объ нихъ всѣ забыли, потому что они. . . ужасны! За то, говорилъ онъ съ жаромъ, всѣ читаютъ и снова перечитываютъ Карамзина, Пушкина, Крылова, Жуковского, Батюшкова. (Тутъ онъ назвалъ всѣхъ лучшихъ нашихъ писателей) и прибавилъ: «Само собой разумѣется, что сочиненія ихъ не одинаковаго достоинства, но у насъ cadaго извѣстнаго литератора читаютъ съ удовольствіемъ, не смотря на бѣшенство его враговъ.» Тульскій старожилъ отвѣчалъ, что онъ ни кому не уступитъ благоговѣйныхъ чувствованій своихъ къ Карамзину, Пушкину, Крылову, Жуковскому, Батюшкову, что и цѣлая фаланга упомянутыхъ имъ писателей доставляетъ ему чистѣйшее наслажденіе; но что онъ, Тульскій старожилъ, никогда не сошлетъ въ архивъ произведенія писателей, устарѣвшихъ для новаго поколѣнія, потому что заслуги ихъ чего нибудь да стоятъ; что иностранцы въ этомъ отношеніи гораздо насъ разсудительнѣе. . . . Твердо увѣренный въ нашей скромности, старикъ позволялъ себѣ говорить на распашку. Мардарій стоялъ крѣпко въ своей позиціи высшихъ взглядовъ и храбро защищалъ свои доказательства; а намъ оставалось только слушать ихъ литературные разговоры, потому что мы не смѣли огорчить старика нашимъ собственнымъ мнѣніемъ, а молодого нашего пріятеля не желали раздражать нѣкоторыми противорѣчіями.

Однажды Тульскій старожилъ находился въ говорливомъ расположеніи. Слова текли рѣкою. Разказавъ намъ о даровитыхъ людяхъ своего времени, съ которыми онъ когда-то служилъ, старикъ прибавилъ:

— Если пустые романы и пустѣйшіе стишонки, написанные безъ идеи, безъ сознанія, стоятъ печати и вниманія публики, которую иногда, въ жару оскорбленнаго авторскаго самолюбія, называютъ толпой, разумѣя подъ этимъ пошлое, уличное невѣжество, то не достойно ли сожалѣнія, что тру-

ды не блестящія, но прочные часто остаются въ совершенномъ забвеніи и не рѣдко гибнуть безвозвратно?

— Что вы этимъ хотите сказать? спросили мы въ свою очередь.

— Я хочу говорить о трудахъ Тульскихъ литераторовъ....

— Сдѣлайте милость....

— Будто бы они есть налицо? спросилъ Мардарій?

— Вотъ то-то и досадно, что налицо-то ихъ нѣтъ, потому что ими завладѣли тѣ, которые едва ли могутъ различить писанную бумагу отъ неписанной....

— А я даже и не подозрѣвалъ такихъ мудрецовъ въ нашемъ городѣ, замѣтилъ Мардарій, качаясь на креслѣ и перелистывая Тульскія губернскія вѣдомости.

Быстро взглянувъ на него Тульскій сторожилъ и, кажется, подумалъ: молодой гладиаторъ! ты намѣренъ по видимому вызвать меня на литературный бой; но на этотъ разъ я, пожалуй, останусь съ моими запоздалыми понятіями о вещахъ.

— Не спѣши, другъ мой, осуждать то, чего ты еще не видалъ, и слѣдовательно не читалъ, отвѣчалъ старикъ, добродушно улыбаясь.

— Да и читать никогда не буду, если бы прожилъ два вѣка съ половиною, сказалъ вполголоса вѣтренникъ, посмотрѣвъ въ окно.

— И вы не потаите отъ насъ имена этихъ трудолюбивыхъ литераторовъ? Что они написали? Гдѣ хранятся ихъ сочиненія, и важны ли они для науки? спросили мы Тульского старожилу.

— Кто они? Люди ученые и почтенные, заслужившіе уваженіе тѣхъ, которые имѣютъ на него право, произнесъ онъ съ гордымъ достоинствомъ. *И. С. Покровскій* былъ однимъ изъ ученнѣйшихъ наставниковъ здѣшней семинаріи, и въ тоже время однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ Тульскихъ литераторовъ. Покровскій воспитывался въ Коломенской симинаріи, потомъ обучался въ Петербургской духовной академіи, отколь прибылъ въ Тулу въ 1799 году вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Меодіемъ, и занялъ каѳедру Греческаго и Латинскаго языковъ, которые зналъ превосходно. Уже въ званіи каѳедрального протоіерея двадцать три года обучалъ онъ юношество философіи и богословія. Важнѣйшее сочиненіе его, из-

вѣстное мнѣ, подъ названіемъ: «Іерархія восточной и западной церкви», находящееся въ рукописи, и состоящее въ четырехъ большихъ томахъ, въ листъ, переписанное набѣло. Трудъ огромный и добросовѣстный. Онъ важенъ въ отношеніи драгоцѣнныхъ фактовъ, собранныхъ имъ изъ тысячи рѣдкихъ книгъ, изданныхъ на иностранныхъ языкахъ. Многіе смѣшиваютъ эту «Іерархію» съ «Древностями церковными», также находящимися въ рукописи, при сочиненіи которыхъ Покровскій руководствовался извѣстнымъ твореніемъ Бентама; но такое мнѣніе несправедливо, потому что эти два сочиненія одного автора носятъ два различныя названія. Сверхъ-того «Іерархія восточной и западной церкви» въ четырехъ, а «Древности церковныя» въ двухъ томахъ, слѣдовательно это не одно и тоже. Я знаю, что у Покровскаго было еще «собраніе проповѣдей», говоренныхъ въ Тульскомъ соборѣ. Тамъ находилось и то примѣчательное «слово» Архимандрита Кипріяна, сказанное имъ Архіепископу Амвросію, когда онъ, простившись съ своею Тульскою паствою, растроганный и въ слезахъ, шелъ изъ собора, чтобы ѣхать къ другой паствѣ, въ Казань. Слово, о которомъ я вамъ говорю, проникнуто глубокимъ чувствомъ и написано необыкновенно-увлекательнымъ слогомъ. Ничего подобнаго я не знаю въ этомъ родѣ. Мнѣ не извѣстно: куда дѣвалась богатая бібліотека и сочиненія Покровскаго. Если вѣрить слухамъ, молвь, то они очень неутѣшительны. Говорятъ, что книги расхищены, а рукописи погибли...

— Другой Тульскій писатель, оставившій намъ свое сочиненіе, былъ директоръ здѣшней гимназіи *О. Г. Покровскій*. Въ 1823 году онъ напечаталъ «Дмитрій Іоанновичъ Донской, историческое повѣствованіе», потомъ написалъ «Исторію Тульской губерніи» въ трехъ томахъ, находящуюся въ рукописи. Она все-таки трудъ немаловажный. Это, если хотите, не исторія, а матеріалы для исторіи Тулы. Видно, что авторъ собиралъ факты съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, видно, что онъ хотѣлъ сдѣлать все, что отъ него зависило; но статистическія его извѣстія уже утратили свое оффиціальное достоинство — они устарѣли, потому что теперь многое измѣнилось; историческая часть хороша, но въ ней часто замѣтно отсутствіе критики, а такой недостатокъ отнимаетъ у сочиненія десять процентовъ. За то, по мнѣнію моему, геогнозическія изысканія и то-

пографическія свѣдѣнія никогда не теряютъ своей свѣжести. Особенно любопытно въ первомъ томѣ довольно подробное описаніе, во первыхъ: окаменѣлостей, найденныхъ по берегамъ рѣки Прони, Веневского уѣзда, въ окрестностяхъ села Гремячева; а во вторыхъ описаніе провалищъ и подземелій близъ села Дѣдилова. Однимъ словомъ: «Исторія Тульской губерніи», о которой я вамъ говорю, сочиненіе чрезвычайно замѣчательное, и тотъ, кто намѣренъ писать исторію нашей губерніи, долженъ, во что бы то ни стало, пріобрѣсть полезный трудъ *О. Г. Покровскаго*.

— Къ этимъ ученымъ, уже окончившимъ земное свое поприще, надобно присоединить и штабсъ-лекаря *О. М. Грамницкаго*. Онъ извѣстенъ публикѣ какъ хорошій переводчикъ медицинскаго сочиненія Шпюрцгейма, а намъ извѣстенъ какъ ревностный Броуніанистъ, производившій здѣсь практику слишкомъ двадцать лѣтъ. Но прежде нежели познакомилъ онъ публику съ Шпюрцгеймомъ, Грамницкій издалъ небольшую брошюру подъ названіемъ: «О канфарѣ въ сухомъ видѣ». Это былъ плодъ долговременныхъ его практическихъ опытовъ. Мнѣ удавалось просматривать труды этого медика, находящіеся въ рукописи. Вотъ оглавленіе одного: «Анатомико-физиологическое изслѣдованіе организма человѣческаго тѣла и его жизненнаго процесса», сочиненія Григорія Прохаски, доктора анатоміи и физиологіи въ Вѣнѣ. Переводъ съ Латинскаго. Къ нему приложены нѣсколько рисунковъ, тщательно сдѣланныхъ. Грамницкій перевелъ съ Французскаго извѣстные историческія записки Маріи Терезіи Ламбаль. Сверхъ-того онъ началъ-было писать собственныя записки довольно отчетливо, но автобіографъ остановился на сорокъ девятомъ листѣ, и не успѣлъ кончить своей исповѣди. Редакція энциклопедическаго лексикона желала имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о Грамницкомъ, и относилась къ родственникамъ покойнаго, но желаніе ея не удовлетворено.

— И сочиненія доктора *Балка* и штабсъ-лекаря *Нюбека*, производившихъ практику въ Тулѣ въ послѣдніе года своей полезной жизни—остались въ забвеніи. Имя перваго изъ нихъ извѣстно всякому, кто занимается медициною: оно знаменито; втораго зналъ только ограниченный кругъ его паціентовъ,

изъ которыхъ многіе увѣрили меня, что у Ньюбека остались рукописи, назначенныя, кажется, къ печати и состоящія въ нѣсколько десятковъ тетрадей, но какого содержанія были произведенія его — Богъ знаетъ. Добрый, честный Ньюбекъ былъ чрезвычайно внимателенъ къ своимъ больнымъ, и до крайности скромнъ въ отношеніи обширныхъ своихъ свѣдѣній въ медицинѣ.

Тутъ собесѣдникъ нашъ умолкъ и поточъ задумался... Желая поддержать разговоръ, повидимому начинавшій истощаться, мы начали такъ:

— Въ 1807 году одинъ шестнадцати-лѣтній студентъ Московскаго Университета, юноша съ признаками дарованія, издавалъ въ Москвѣ журналъ подъ названіемъ «Весенній цвѣтокъ». Это былъ родной братъ нашъ, К. О. Андреевъ, родившійся 1 Ноября 1790 года въ Тулѣ, и получившій первоначальное воспитаніе въ здѣшнемъ училищѣ. Безпристрастно смотря на періодическія книжки, имъ изданныя, мы не можемъ похвалить редактора ни за направленіе журнала, котораго неопредѣлительность вредна ему, ни за выборъ статей, которыя могли нравиться только тогда, а не нынче. Этотъ цвѣтокъ теперь завялъ, и листочки его едва ли у кого находятся. Онъ — библиографическая рѣдкость.... Какъ бы то ни было, а «Весенняго цвѣтка» разошлось болѣе двухъ сотъ экземпляровъ. Онъ, или лучше сказать, его редакторъ, едва вышедшій изъ дѣтскаго возраста, обратилъ на себя особенное вниманіе штатсъ-дамы княгини К. Р. Дашковой, жившей въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, въ собственномъ домѣ; также Попечителя Московскаго Университета, М. Н. Муравьева. Они пожелали видѣть брата нашего, такъ смѣло выступившаго на скользкій и опасный путь писателя. Княгиня Дашкова присылала за нимъ свою нарядную карету, запряженную въ шесть лошадей. Можете вообразить восхищеніе шестнадцати-лѣтняго студента-стихотворца, ѣхавшаго въ такомъ богатомъ экипажѣ къ одной изъ знаменитѣйшихъ женщинъ своего времени! Это былъ торжественный день въ его несчастной жизни.... Когда онъ пріѣхалъ къ ней въ домъ, мецената его не было въ комнатахъ. На вопросъ «гдѣ княгиня?» служитель отвѣчалъ: «изволить прогуливаться по цвѣтницѣ»

ку.» Братъ посмотрѣлъ въ окно, и увидѣлъ высокую, стройную женщину лѣтъ шестидесяти, съ смуглымъ, серьёзнымъ, но благороднымъ лицомъ, выражающимъ умъ необыкновенный. Движенія ея обнаруживали крѣпость силъ тѣлесныхъ, осанка — непринужденность и даже нѣкоторую пріятность, а взгляды—какую-то гордость, смѣшанную съ пронизательностью. Одѣтая во вкусъ того времени, она имѣла на головѣ своей круглую бѣлую шляпу съ большими полями, что впрочемъ придавало ей странный видъ. Тихо шла она по извиистой дорожкѣ, оканчивающейся почти у самой лѣстницы, ведущей въ главный корпусъ зданія. То была К. Р. Дашкова. Ее сопровождалъ Г. Р. Державинъ. Они о чемъ-то вели разговоръ. Четверти часа не прошло, какъ брата попросили къ хозяйкѣ дома. Юношу ввели въ кабинетъ княгини, которая продолжала разговаривать съ Державинымъ, бывшимъ у ней въ гостяхъ. Увидѣвъ брата, она встала, подошла къ нему и отвѣчала на его торопливые, застѣнчивые два поклона, поклономъ величественнымъ и важнымъ, напоминавшемъ этикетъ двора Екатерины Второй. Тутъ онъ поднесъ ей экземляръ своего «Весенняго цвѣтка», переплетенный въ атласъ. Княгиня взяла книгу и сказала: «Благодарю.» Потомъ она прибавила, посмотрѣвъ внимательно на брата: «Но вы такъ молоды, вы—дитя, а издаете журналъ! Впрочемъ, упражненія ваши въ Русской словесности заслуживаютъ поощренія.» Разспросивши брата о его родителяхъ и о прочемъ, княгиня обратилась къ Державину, стоявшему въ это время у шкафа, и, подавая ему «Весенній цвѣтокъ», говорила: «Гаврила Романовичъ! это по вашей части: онъ стихотворецъ.» Безсмертный поэтъ развернулъ книжку, прочиталъ нѣсколько стиховъ и, взглянувъ на юнаго сочинителя, сказалъ: «Очень радъ!» Но когда братъ нашъ, откланявшись, хотѣлъ выйти изъ кабинета, княгиня Дашкова подарила ему «на книги» красивый шелковый кошелекъ, въ которомъ находилось двадцать новенькихъ червонцевъ. Въ 1811 году брата произвели въ кандидаты университета, въ слѣдующемъ году онъ вступилъ въ ополченіе и служилъ въ конно-артиллерійской ротѣ, командуемой храбрымъ майоромъ А. И. Кучинымъ. Всѣ литературные и чисто-ученые труды его сгорѣли въ Московскомъ пожарѣ вмѣстѣ съ его бібліотекою. Послѣ онъ почти ни чего не писалъ, долго

страдалъ изнурительною болѣзнію, и въ 1836 году тихо скончался въ селѣ Торховѣ.

— Биографическія ваши замѣтки были бы не лишними и въ словарь писателей, сказалъ старикъ.

Мы продолжали:

— Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, случай познакомилъ насъ съ покойнымъ *Н. П. Свѣчиннымъ*, нашимъ Тульскимъ гражданиномъ и помѣщикомъ. Это тотъ самый Свѣчинъ, авторъ нѣсколькихъ комедій, имѣвшихъ въ свое время порядочный успѣхъ, который (не тѣмъ-то онъ будь помянутъ!) написалъ эпическую поэму подъ названіемъ «Александроида.» Пресловутая Александроида, младшая сестра несчастнѣйшей Петриады Грузинцова, которыхъ, вѣроятно, никто и никогда не читалъ отъ доски до доски, по причинѣ очень натуральной: на второй пѣсни этихъ скучныхъ, длинныхъ поэмъ страдалецъ непременно засыпаетъ. Коротко знавшіе *Н. П. Свѣчина*, веселого, любезнаго, даже подчасъ остроумнаго, человѣка хорошо образованнаго, съ эстетическимъ вкусомъ, до сихъ поръ не рѣшаютъ задачи: какъ могъ онъ написать такое странное, нелѣпное созданіе? Мы имѣли прощальные стихи Свѣчина подъ названіемъ «Къ друзьямъ», написанные имъ по случаю отъѣзда его изъ Тулы въ Москву, отколь онъ уже не возвращался. Они такъ прекрасны, что самъ Шенье охотно призналъ бы ихъ за свои стихи. Неизвѣстно, кто завладѣлъ его бумагами, оставшимися послѣ его внезапной смерти; а что Свѣчинъ писалъ записки и читалъ ихъ друзьямъ своимъ, это не подлежитъ ни какому сомнѣнію... Жалко! Свѣчинъ былъ принятъ въ лучшемъ обществѣ обѣихъ нашихъ столицъ, и говорятъ, очерки его нѣкоторыхъ характеровъ сняты съ натуры. Сверхъ-того въ его запискахъ разсыпано было множество анекдотовъ, остроумія и забавныхъ положеній.

— У насъ, въ Тулѣ, переведенъ съ Французскаго романъ Валтера Скотта «Маннерингъ или Астрологъ» *В. Б. Броневскимъ*, служившимъ тогда въ здѣшнемъ кадетскомъ корпусѣ инспекторомъ. Кромѣ перевода, онъ въ это же время издалъ «Письма морскаго офицера», Коробки. *И. Якубовичъ* также долго жилъ въ Тулѣ, гдѣ началъ мыслить и писать. Всѣ его

произведенія иногда согрѣты чувствованіемъ, но никогда чувствомъ; изъ нихъ брызжутъ громкія слова, но не глубокія мысли. Якубовича убилъ небольшой его талантъ, правда поэтической, но онъ не могъ создать ни чего замѣчательнаго, а поэту хотѣлось выйти изъ колеи посредственности.

— Но вы, оба, какъ нарочно сговорились рассказывать о покойникахъ! подхватилъ Мардарій и прибавилъ, обращаясь къ Тульскому старожилу. Нельзя ли, дѣдушка Аристархъ, поведи рѣчь о живыхъ литераторахъ? Это, я полагаю, немножко развеселитъ васъ, а то вы что-то все задумываетесь.

— Изволь, другъ мой, отвѣчалъ старикъ съ рѣдкимъ простодушіемъ. Съ чувствомъ, которому нѣтъ названія, скажу вамъ, что общество дворянъ Тульской губерніи съ патриотическою гордостію указываетъ на знаменитое имя одного изъ своихъ членовъ, имя, глубоко врѣзавшееся въ сердце каждого Русскаго. Я говорю о *Василіи Андреевичѣ Жуковскомъ*, первокласномъ писателѣ нашего отечества, котораго сочиненія всѣ знаютъ наизусть. Но онъ нашъ, хотя и живетъ на берегу Невы; мы ни за какое благо міра не уступимъ его славнаго имени, украшающаго списокъ дворянъ Тульской губерніи; мы готовы, какъ Греки за Гомера, оспоривать его у кого бы то ни было; мы напередъ знаемъ, что благодарное потомство соорудитъ ему матеріальный памятникъ въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ нашей губерніи, какъ соорудило оно Ломоносову. 1837 годъ останется памятнымъ, незабвеннымъ годомъ для знаменитаго нашего писателя. Въ бытность Наслѣдника Престола въ Туль, В. А. Жуковскій, сопровождавшій Царственнаго Путешественника, представлялся Его Высочеству вмѣстѣ съ дворянами Бѣлевскаго уѣзда, въ которомъ онъ родился, и гдѣ имѣетъ небольшое помѣстье. Съ очевиднымъ удовольствіемъ и пріятною улыбкою подошелъ къ нему Цесаревичъ, и сказалъ поэту нѣсколько привѣтливыхъ словъ, которыя, вѣроятно, записаны имъ не въ однѣхъ путевыхъ его замѣткахъ. Въ Бѣлевѣ ожидали его почести безпримѣрныя. Поэту воздвигнули триумфальныя ворота среди бульвара, подъ которыми, при стеченіи многочисленной публики, Бѣлевцы поднесли на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ и соль именитому своему урож-

денцу. Ничего не могло быть лучше придумано этого привѣтствія. Обо всемъ этомъ знаютъ многіе, но едва ли кому извѣстно, что знаменитый нашъ поэтъ, еще въ дѣтскомъ возрастѣ, воспитывался нѣкоторое время въ домѣ Статскаго Совѣтника Д. Г. Постникова, въ Тулѣ; потомъ В. А., обучаясь въ дворянскомъ училищѣ, жилъ одинъ на квартирѣ, находившейся на углу Бѣляевой улицы, упирающейся въ площадь, рядомъ съ экзерцицгаузомъ. Скромный домикъ, гдѣ онъ жилъ, сломали; на мѣстѣ его построили новый; но съ десятокъ синели и акацій въ саду, колодець на дворѣ и полувѣковая, высокая груша у воротъ, въ обхватъ толщиною, своевольно раскинувшая длинныя свои вѣтви, по нынѣ существуютъ. Онъ—онъ остались только нѣмыми свидѣтелями поэтическихъ его вдохновеній! Разлука съ родными, одиночество, совершенно уединенная жизнь.... все это взятое вмѣстѣ, не имѣло ли вліянія на нравственное развитіе В. А. Жуковскаго; другими словами: не заронили-ли онъ въ душу его наклонности къ меланхоли, которою проникнуты почти всѣ дивныя, художественныя созданія нашего поэта? Вы знаете, что Греева элегія «кладбище» переведена была имъ еще въ 1803 году: не оправдываетъ ли она моихъ догадокъ? Хозяйка домика, о которомъ я разумью, любитъ рассказывать, какъ въ одинъ ясный день позвали ее къ пріѣхавшему къ ней барину. «Это было въ пятомъ часу утра» говоритъ она. «Солнышко только-что взошло, я молилась Богу, но поспѣшила выйти къ тому, кто меня спрашивалъ, думая просебя: видно сонъ-то мой сбывается: домишка нашъ ломаютъ подъ манежъ.... Пріѣхавшій баринъ самъ пожаловалъ ко мнѣ въ горницу. Кто онъ? опять думала я, едва окинувъ его глазами. Знать какой-нибудь случайный чиновникъ, придворный, приближенный къ Наслѣднику. И вотъ я оробѣла, оробѣла такъ, сударь, что и ноги у меня подкосились.... Но когда онъ заговорилъ со мною ласково, привѣтливо, даже извинился, что потревожилъ меня, старуху, не во-время, то конфузъ мой какъ рукой сняло. Тутъ уже я осмотрѣла его безъ страха. Лицо у него доброе. Онъ разспрашивалъ меня о прежнихъ хозяевахъ домика, котораго давно нѣтъ. Я отвѣчала ему, что знала; онъ пожелалъ видѣть нашъ садикъ,—я повела его туда. «Не была ли здѣсь канава, а вонъ тамъ—не протекалъ ли маленькой ручей?» спросилъ онъ меня, указывая на то мѣсто, гдѣ мы тогда стоя-

ли. Канавка была, но мы ее закопали, а ручья не помню, отвечала я. Потом осмѣлилась прибавить: «Сосѣдъ нашъ разсказываетъ, что здѣсь въ саду былъ небольшой прудокъ, около котораго они въ ребячествѣ игрывали». Собираясь выйти со двора, баринъ пожаловалъ мнѣ ассигнацію, сказавъ: «Возмите эту бездѣлку за безпокойство, которое я вамъ сдѣлалъ». И онъ увхалъ. Вотъ тутъ онъ сидѣлъ, а тамъ въ аллеѣ прохаживался,» говоритъ эта словоохотная старушка о знаменитомъ своемъ гостѣ. Долго гулялъ В. А. по саду, вспоминалъ о быломъ, бросалъ продолжительные взгляды на вѣтвистую грушу, на акацію, на сирень и оставилъ прежнее свое жилище въ самомъ грустномъ расположеніи духа.... Неужели поэтъ жалѣлъ о прошедшемъ, поэтъ, которому улыбаются еще граціи, о которомъ гремитъ слава и котораго геній ввелъ въ царскіе чертоги?!...

Отъ милыхъ Ларь своихъ отторженный поэтъ,
Въ чертоги Августа судьбой перенесенной,
Жалѣлъ о вѣсѣ, ручьи отчизны незабвенной!
О древней хижинѣ, гдѣ юность провождалъ....

— Живѣйшее воспоминаніе сохранили Туляне и о *С. Д. Нечаевѣ*, занимавшемъ у насъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ гражданскихъ, продолжалъ старикъ. Это было въ двадцатыхъ годахъ. Онъ перевелъ въ Туль изъ Виланда: «Пифагорейскія жены». Если я не ошибаюсь, то это былъ первый опытъ его примѣчательнаго труда. Поэтическія его созданія, о которыхъ онъ теперь вѣроятно забылъ, но мы ихъ помнимъ, печатались въ разныхъ журналахъ. Мы помнимъ его стихи, подъ названіемъ «Время любить». Наша молодежь знала ихъ наизусть. Мы помнимъ, что время, въ которое *С. Д.* прожилъ въ Туль, принадлежитъ къ самому поэтическому времени его жизни.

— Благодарность, какъ память сердца, обязываетъ меня упомянуть о *А. Г. Глаголеву*, получившемъ первоначальное воспитаніе въ нашемъ городѣ: онъ не забылъ своей родины — Тульской губерніи. Сколько могу упомянуть, произведенія пера *А. Г.* находятся во многихъ періодическихъ изданіяхъ. Онъ печаталъ ихъ въ «Трудахъ общества любителей Россійской словесности» и въ «Вѣстникѣ Европы». Перваго онъ былъ дѣйстви-

тельнымъ членомъ, во второмъ принималъ участіе какъ сотрудникъ. Что онъ не забылъ своей родины, это доказываетъ ученая статья его подъ названіемъ: «Историческія свѣдѣнія о Тульѣ», помѣщенная въ журналъ Мин. Внут. Дѣлъ 1836 года. Въ другомъ сочиненіи своемъ, именно въ «Запискахъ Русскаго путешественника», А. Г. говоритъ о жителяхъ нашего города со всею откровенностію наблюдателя, который хорошо изучилъ нравы и обычаи тѣхъ гражданъ, между коими онъ долго жилъ. Много сказалъ правды о Тулянахъ Русской путешественникъ, и за это мы всѣ скажемъ ему: благодаримъ, благодаримъ! Но важнѣйшее сочиненіе А. Г., безъ сомнѣнія, есть: «Умозрительныя и опытыя основанія словесности, напечатанныя еще въ 1834 году.

— Извѣстно ли вамъ, продолжалъ старикъ, что «Бенгальскій тигръ» и «Досуги пустынника» принадлежать перу *Е. Н. Воронцова-Вельяминова*. Посвятивъ всего себя отечественной словесности, Е. Н. приготовилъ много собственно-литературныхъ и не мало чисто-ученыхъ сочиненій. Изъ прежнихъ его переводовъ я знаю большую статью, напечатанную въ Вѣстникѣ Европы подъ рубрикою: «О Египетскихъ муміяхъ». Но огромное количество своихъ трудовъ онъ тщательно хранитъ въ портфеляхъ.... Къ чему такая скромность анахорета? Писателямъ, слишкомъ осторожнымъ, не надобно забывать горестную истину, что въ продолженіи нѣкотораго времени формы старѣютъ, вкусы и слогъ измѣняются, требованія становятся взыскательнѣе, и то, что хорошо и даже прекрасно теперь, дѣлается впоследствии вялымъ, скучнымъ, бесполезнымъ. Но что всего грустнѣе, добросовѣстные труды его могутъ утратиться, совсѣмъ погибнуть, какъ погибли, кажется, сочиненія И. С. Покровскаго, о которомъ я вамъ говорилъ. Не менѣе прискорбна мысль, если, по какому нибудь непредвидимому обстоятельству, этими трудами завладѣетъ какой-нибудь литературный партизанъ, и выдастъ чужое за свое. Развѣ такихъ безстыдныхъ, черныхъ хищеній не бывало? Можетъ быть у литературнаго партизана не достало бы ума написать одну страницу безъ двадцати всяческихъ ошибокъ, а объ немъ кричали, его хвалили, не подозревая своего забавнаго заблужденія. Время обнаруживаетъ истину, и того шарлатана, который чванился чужимъ умомъ, стоявъ на высокомъ пьедесталѣ литературной из-

вѣстности, неумолимое потомство накажетъ забвеніемъ; презрѣнія для него много: презрѣніе орудіе современниковъ. Да! пора, пора подумать объ этихъ вещахъ Е. Н. Не должно въ землю зарывать таланта: талантъ данъ отъ Бога.

— Той же самой участи легко можетъ подвергнуться и «Краткое извлеченіе изъ книгъ Священнаго Писанія», довольно обширное сочиненіе *С. Я. Блѣзора*. Это сочиненіе объемлетъ Старый и Новый Заветъ. Авторъ, тщательно изучивъ свой предметъ, въ стройной системѣ сдѣлалъ сводъ текстовъ, объяснилъ ихъ прямое значеніе, и указалъ на источники. Цитаты его безконечны, но онѣ необходимы. Оно написано давно, по крайней мѣрѣ, оно извѣстно мнѣ лѣтъ семь, если не больше. Желательно бы было видѣть въ печати это «Краткое извлеченіе изъ книгъ Священнаго Писанія». Успѣхъ несомнителенъ.

— Я давно потерялъ наъ вида бывшаго инспектора здѣшней гимназіи *С. И. Альбицкаго*. Неизмѣримая глубина богатства Латинскаго краснорѣчія плѣнила его умъ. Напитанный духомъ ораторовъ древняго Рима, Цицерона и Квинтиліана, онъ переводилъ творенія этихъ великихъ людей, но никогда не былъ доволенъ своимъ переводомъ. Не думайте, чтобы многолѣтнія занятія любимыми предметами встрѣчали постоянныя неудачи, не думайте, чтобы эти неудачи охлаждали въ немъ охоту усовершенствовать то, что казалось ему слабымъ, недостойнымъ его самолюбимыхъ великановъ — желаній, которыя, видно, у него росли безпрестанно.... Напротивъ Латинисты свѣряли съ текстомъ оригинала нѣкоторые труды его вмѣстѣ съ подобными же трудами извѣстнѣйшихъ ученыхъ, и находили въ нихъ большую разницу. Въ переводѣ Альбицкаго сохранена краткость и быстрота слога древнихъ, столь трудная для языка нашего, переданъ весь блескъ колорита, весь классическій тактъ знаменитыхъ Римлянъ; тогда какъ у другихъ они нашли его высокопарнымъ, темнымъ и запутаннымъ. Кто изъ ревнителей просвѣщенія въ нашемъ городѣ не знаетъ его рѣчи, произнесенной на актѣ въ Тульской гимназіи? Она доказываетъ, до какой степени совершенства авторъ ея владѣтъ Русскимъ языкомъ. Обиліе мыслей, ораторскія движенія и то, что называется въ реторикахъ убѣжденіемъ — сливается въ его произведеніи въ одно цѣлое, живое слово.

— Въ 1835 году изданы были четыре брошюры Т. (туть старикъ сказалъ намъ полную фамилію сочинителя, но мы не имѣемъ права объявить ее во всеуслышаніе). Брошюры, о которыхъ я вамъ началъ говорить, продолжалъ онъ, носить слѣдующія названія: I. «Естество міра или вѣчность во времени, а пространство въ объемѣ!» II. «Устроеніе вселенной или расположеніе естественныхъ видовъ по ихъ проявленіямъ.» III. «Очертательность естества, или наружная форма проявленій.» IV. «Движимость естества, или устремленіе видовъ къ равности отношеніямъ по ихъ проявленіямъ.» Эти небольшія произведенія надѣлали много шуму въ нашихъ журналахъ. Журналисты одинъ за другимъ подали голоса противъ сочинителя. Какъ его сограждане, нѣкоторые изъ насъ хотѣли было принять участіе въ этомъ полемическомъ дѣлѣ; но рассматривая его пристально, мы увидѣли, что обвиненія, упавшія на брошюры, справедливы и безпристрастны. Однакожь, строгіе судьи, вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на содержаніе критикуемыхъ сочиненій, очевидно претендующихъ на умозрѣніе, они прежде всего съ ожесточеніемъ напали на «сіи и она». . . . Мы сами не безъ удивленія замѣтили сажѣнные періоды, столь перепутанные словами безъ мыслей, что не понимали, какую философскую истину намѣрень былъ доказать авторъ. Мы сами жалѣли, что любезный А. М., излагая свои мнѣнія о такихъ высокихъ истинахъ, не хотѣлъ быть яснымъ, и добровольно накликать на себя злые сарказмы, перемѣшанные съ насмѣшками, остроумными и желчными. Мы сами видѣли, что авторитеты его въ такихъ серьезныхъ сочиненіяхъ ограничиваются только физиками Велланскаго и Павлова, да ссылками на статьи въ Русскихъ журналахъ. Но неужели, думали нѣкоторые, понимавшіе дѣло хорошо, во всѣхъ четырехъ брошюрахъ не возможно отыскать ни одной мысли, собственно принадлежащей Т.—Вооружившись терпѣніемъ, и помня Французскую пословицу, которая гласитъ, что *il n'y a point de foret sombre ou n'arrive le jour*; занимающіеся умозрѣніемъ усердно принялись читать и перечитывать труды А. М. Наконецъ, по надлежащемъ изслѣдованіи, открылось, что авторъ брошюръ имѣлъ дѣйствительно одну основную мысль — соединить десятки идей, разбросанныхъ по разнымъ Русскимъ книгамъ въ небольшіе свои четыре сочиненія. Компиляція не удалась, потому что ее не освѣжилъ ни

какой новый взгляд на науку, построенную на высших философических взглядахъ. Словомъ: эти брошюры останутся навсегда доказательствомъ, что высказывать чужія мысли собственными словами — есть трудъ бесполезный. Однакожь мы, Туляне, не теряемъ еще надежды читать болѣе обработанныя произведенія, въ другомъ родѣ, достойныя А. М. Отъ всей души желаемъ блестящихъ успѣховъ нашему мыслителю; но думаемъ, что при нынѣшнемъ состояніи умозрѣнія и при средствахъ, которыми обладаетъ любезный А. М., мы посовѣтывали бы ему оставить подобные опыты, потому что Гораций сказалъ:

Берите трудъ всегда не свыше силъ своихъ;
Умѣйте разбирать, судить себя самихъ....

— Говоря о нашихъ Тульскихъ писателяхъ, продолжалъ почтенный нашъ собесѣдникъ, забуду ли я *И. П. Сахарова* дѣлателя неутомимаго, котораго такъ приласкалъ Петербургъ къ явному ущербу Тулы. Первые произведенія господина Сахарова (всѣ историческаго и археографическаго содержанія) появились въ Телеграфѣ, потомъ въ Галатѣ. Они обратили на себя вниманіе знатоковъ и любителей старины отечественной. Тогда онъ напечаталъ: «Достопамятности Венева монастыря». Брошюрка эта также быстро разошлась по рукамъ любопытствующихъ, какъ и торопливо была составлена; но люди, понимавшіе дѣло немножко побольше любопытствующихъ, еще не могли предвидѣть по ней дальнѣйшихъ успѣховъ на поприщѣ исторіи ея автора. Она, въ ихъ глазахъ, осталась замѣчательною развѣ только тѣмъ, что сочинитель ея не поскупился на выписки, давно встѣмъ извѣстныя, и на ошибки очевидныя—и только! Но намѣреніе собирателя, но пламенное желаніе его говорить о старинѣ, спасая каждый лоскутокъ письменнаго ея бытія, заслуживали похвалу и даже благодарность. Онъ не виноватъ былъ въ томъ, что ему изменили силы, что неудачный опытъ оказался недостойнымъ будущей его литературной извѣстности. Послѣ благосклоннаго пріема трудовъ его читающею публикою, господинъ Сахаровъ, можетъ быть, увлекшись одобреніями, объявилъ о подпискѣ на «Исторію общественнаго образованія Тульской губерніи.» — Туляне, давнымъ давно чувствуя

недостатокъ въ подобномъ твореніи, приняли этотъ подарокъ съ непритворною радостію; но нашлись однако люди, которые не спѣшили раздѣлять восторженныхъ ощущеній земляковъ своихъ, разсуждая про себя: «Если сочинитель подѣ громкимъ словомъ «Исторіи» разумѣетъ описаніе событій, случившихся въ одной какой-нибудь провинціи колоссальной Россіи, то это еще не исторія, потому что они, эти событія, начинались и оканчивались въ слѣдствіе общаго порядка вещей, общаго движенія и государственныхъ обстоятельствъ, которыми наполняются цѣлыя страницы въ Русской Исторіи. Слѣдовательно исторія каждой губерніи сливается съ исторіею нашего отечества какъ ночь со днемъ. Далѣе. Бытописателю нашему трудно будетъ безъ фактовъ опредѣлить «первые моменты общественныхъ формъ» не отдѣльнаго народа, не цѣлаго поколѣнія, а жителей одной только провинціи. Потомъ онъ обязанъ объяснить намъ загадочный смыслъ слова: «образованія», въ которомъ и въ наше время сомнѣваются. Вотъ толки этихъ людей. Впрочемъ они не осмѣлились и думать, чтобы бытописатель нашъ смотрѣлъ на Исторію какъ на науку: это уже было бы требованіе слишкомъ взыскательное....

Почти въ слѣдъ за программю подписчикамъ выдали первую часть творенія, съ такимъ нетерпѣніемъ всеми ожидаемаго; но мы, къ удивленію нашему, вмѣсто обѣщанной исторіи, нашли въ ней однѣ только грамоты Царей, Патріарховъ и Митрополитовъ, писанныя къ воеводамъ на Тулу и къ Настоятелямъ Предтечева монастыря, грамоты, не имѣющія ни малѣйшаго историческаго достоинства и почти никакой связи съ будущимъ сочиненіемъ бытописателя. По случаю выхода въ свѣтъ этихъ архивныхъ приложений, найденныхъ въ книгохранилищѣ выше сказанной обители однимъ любителемъ старины, а не собирателемъ, г. Профессоръ М. П. Погодинъ тогда же очень дѣльно замѣтилъ въ своемъ Московскомъ Вѣстникѣ, что названіе творенія нашего бытописателя уже слишкомъ затѣливо, если не слишкомъ громко. Года проходили за годами, а объ Исторіи его и помину не было. Видно, думали мы, авторъ собирается подарить насъ произведеніемъ, написаннымъ на славу! Но и тутъ мы все ошиблись. Бытописатель нашъ, вмѣсто того, чтобы удовлетворить общія наши ожиданія, напечаталъ «Сказанія Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ».—Это не

про насъ, говорили нѣкоторые, а про всю Русь православную. Когда вышли всѣ книжки «Сказанія Русскаго народа», я читалъ ихъ съ должнымъ и надлежащимъ вниманіемъ, и чѣмъ дольше я читалъ, тѣмъ изумленіе мое возрастало... У меня, какъ говорится, *задвоилось* въ глазахъ... Да это трудъ огромный! невольно воскликнулъ я, едва окончивъ въ два дня чтеніе. Всмотриваясь въ новое произведеніе нашего будущаго бытописателя, я помирился съ нимъ за выполненіе прямой его обязанности, обещанной исторіи. Но такъ какъ я принадлежу (грѣшный человекъ) къ школѣ сомнѣвающихся, то естественно прежде всего началъ соображать время, въ которое было написано «Сказаніе Русскаго народа». Результатъ его оказался незначителенъ, даже ничтоженъ, если взять въ расчетъ всю сумму труженническаго подвига, необходимаго при составленіи такого серьезнаго сочиненія, гдѣ на каждой почти страницѣ выказывается Русская душа, такъ сказать, на распашку; гдѣ столько новаго свѣжаго, дѣльнаго, любопытнаго, что лѣнивому уму не собрать бы всѣхъ этихъ матеріаловъ и въ четверть вѣка. (*) Но, вотъ что значить терпѣніе! Терпѣніе преодолеваетъ всѣ трудности, толкуютъ учебники; терпѣніе есть гений, сказалъ Бюффонъ. Видно оно сокращаетъ работу, подумалъ я, особенно ту работу, на которую, при обыкновенной дѣятельности, потребно много рукъ и много лѣтъ...

Теперь мы, Туляне, надѣемся, что господинъ Сахаровъ обратитъ свое вниманіе и на забытую имъ «Исторію общественнаго образованія Тульской губерніи». Вѣдь надобно же когда-нибудь исполнить то, что ему угодно было обещать. Безспорно, нельзя имѣть надлежащаго понятія о произведеніи, изъ котораго напечатаны только отдѣльныя статьи; но если позволено сказать свое мнѣніе объ этихъ отрывкахъ, находящихся въ разныхъ журналахъ запрошлыхъ годовъ, то «Исторія общественнаго образованія Тульской губерніи» начинается съ лицъ Леды, то есть съ глубокой древности, со времени чуть ли не до историческихъ. Внимательный читатель тотчасъ замѣчаетъ эрудицію автора, искавшаго фактовъ не въ толстыхъ фолиантахъ, а въ

(*) Но почему же авторъ статьи думаетъ, что на сочиненіе употреблено меньше времени? Матеріалы собираются во всю жизнь, а не въ промежуткахъ между изданіями. *Ред.*

области вымысла и догадокъ, которыя были бы превосходны въ романѣ, но отнюдь не въ исторіи. Кто изъ самыхъ от-
важнѣйшихъ изслѣдователей рѣшится доказать, что Несторъ, не
означивъ даже земли Мордовской, Мещерской и Черемисской,
имѣлъ точныя свѣдѣнія о странѣ, заключавшей въ себя почти
три нынѣшнихъ губерній: Тульскую, Орловскую и Калужскую?
Кто безусловно согласится съ авторомъ, чтобы рубежи земли
Вятичей, имъ опредѣленные, были безошибочны? На чемъ онъ
основалъ свои утвердительныя показанія? Не на картѣ ли,
приложенной къ первому тому И. Г. Р. Карамзина, или не на
атласѣ ли къ И. Г. Р., изданномъ г. Ахматовымъ, или наконецъ,
не въ слѣдствіе ли расчета вѣроятностей? Никто не признаетъ
за факты такой гадательной географіи, составленной самопроиз-
вольно послѣ девяти вѣковъ политическаго существованія наро-
да, о которомъ мы имѣемъ самыя поверхностныя, самыя не-
удовлетворительныя свѣдѣнія. Мнѣ вспомнилось, что Карамзинъ
въ текстѣ перваго тома И. Г. Р. назвалъ ихъ областію губер-
ній, мною сказанныя, потомъ во второмъ томѣ въ какомъ-то
примѣчаніи (138) уже не говоритъ о 'Тульской губерніи, а вмѣ-
сто ея означилъ Курскую. Помнится, что и Елагинъ въ «Опы-
тъ повѣствованія о Россіи» хлопоталъ о границахъ этихъ дика-
рей. «Вятичи, пишетъ онъ, жили по Окѣ, выше устья сей рѣки,
и народъ Мери между ими и Волгой находился». Между тѣмъ
какъ въ самомъ-то дѣлѣ, области Кривичей, Мери и Муромы,
примыкая къ Волгѣ, отрѣзывали ее отъ Вятичей. Насъ всегда
угощаютъ Несторомъ; но вѣдь Несторъ упоминалъ о прошед-
шемъ по преданію, а о современности писалъ по слухамъ.
Вспомнимъ, что народъ, обитавшій на этомъ предполагае-
момъ пространствѣ, котораго лѣтописецъ называетъ «поганіи
Вятичи», и который плативши дань Кагану по шлягу съ
орала (чему впрочемъ не вѣрилъ Шлецеръ, и въ чемъ со-
мнѣвался Исторіографъ), находился въ совершенно дикомъ со-
стояніи. Сверхъ-того эти идолопоклонники, не признавая надъ
собою власти Князей Русскихъ до Святослава, были и характе-
ра неукротимаго, чему служатъ доказательствомъ ихъ бунты и
кончина ревностнаго служителя вѣры, Кушки, получившаго въ-
нецъ мученика. Но что же такое говорить Несторъ особенна-
го о Вятичахъ, когда бытописатель нашъ рассказываетъ о нихъ
такъ много и такъ положительно? спросите вы. Отвѣчаю: Не-

сторъ сказалъ о Вятичахъ нѣсколько фразъ — не больше и не меньше. Бытописатель же нашъ наполняетъ цѣлыя фразы то иперболами, то метафорами въ восточномъ вкусѣ и упоминаетъ о томъ, о чемъ молчитъ летописецъ. По его словамъ: эти дикари были чѣмъ-то въ родѣ рыцарей среднихъ вѣковъ, они даже у него нѣжничаютъ.... Смѣемъ увѣрить бытописателя, что и дѣвы его, о которыхъ онъ позволилъ себѣ такъ красно рассказывать, были не милovidнѣе нашихъ Якутокъ, закутывающихся съ ногъ до головы въ невыдѣланныя шкуры звѣрей, убитыхъ ими, и пожирающихъ рыбій жиръ съ жадностію гастрономовъ Парижскихъ ресторацій. Что жъ дѣлать, если Вятичи были варвары — пусть они и остаются варварами до известнаго времени въ Исторіи.

..... Но когда бытописатель нашъ рѣшился наполнить пустоту летописи свѣдѣніями, найденными имъ въ другихъ источникахъ, то онъ обязанъ былъ указать на свой авторитетъ, сослаться даже на страницу, содержащую въ себѣ его данныя, скажете вы. Можетъ быть, цитаты когда нибудь и явятся, только до сихъ поръ ихъ нѣтъ. Само-собой разумѣется, что бытописатель нашъ не заимствовалъ же своихъ извѣстій у Татищева, Хилкова, Эмина, и другихъ подобныхъ повѣствователей, изъ которыхъ Татищевъ влагалъ въ уста Вятичей ораторскія рѣчи и утверждалъ, [напримѣръ, что Волжскіе Болгары въ 1006 году присылали къ Владиміру Первому дары, требуя торговать свободно во всѣхъ городахъ по Окѣ, а городовъ-то по Окѣ, кромѣ Мурома, тогда еще не было.... Вообще надобно замѣтить, что неутомимые труды почтенныхъ иностранцевъ, изслѣдовавшихъ наши отечественныя древности съ изумительною проникательностію, болѣе принесли пользы Исторіи нашей, нежели многіе Русскіе повѣствователи, сочиненія которыхъ теперь уже сдѣлались анахронизмомъ. Замѣтимъ также, что Болтинъ, ведя полемическую перебранку съ Княземъ Щербатовымъ, очень справедливо сказалъ о тѣхъ, которымъ непременно хотѣлось увеличить нашу древность до Китайской хронологіи: «Возводитъ нашу исторію далѣе Рюрика, говоритъ онъ, и терять время въ тщетныхъ розысканіяхъ и разбирательствахъ вещей, до насъ не принадлежащихъ, есть не меньше трудно, сколь и бесполезно». Я увѣренъ, что авторъ «Исторіи общественнаго образованія Тульской губерніи» написалъ бы ее и лучше и ос-

новательнѣе, если бы онъ воспѣшилъ вытти изъ дефилей неприступной нашей древности; другими словами: если бы онъ сократилъ все, что относится до временъ слишкомъ отдаленныхъ, полу-баснословныхъ; а тамъ, гдѣ источники размноживаются, открылось бы свободное поле для размахистаго пера его...

— Теперь мнѣ остается сказать вамъ, продолжалъ старикъ, посмотрѣвъ каждому изъ насъ прямо въ глаза, о двухъ Тульскихъ писателяхъ: *И. Т. Родожницкомъ* и *И. О. Афремовъ*, изъ которыхъ первый, служивши въ послѣдней Турецкой кампаніи, писалъ о военныхъ дѣйствіяхъ; потомъ онъ писалъ о Кавказѣ, о Крымѣ; наконецъ, бывши уже директоромъ нашего оружейнаго завода, напечаталъ «Записки артиллериста». Какіе бы ни имѣли достоинства его произведенія, которыхъ рѣдкій изъ насъ не читалъ, а я попросилъ бы *И. Т.*, вопервыхъ, издать ботаническія свои наблюденія о флорѣ Кавказа и Крыма, также и о Тульской флорѣ; во вторыхъ награвировать виды, рисованные съ натуры, а эти виды всё прелесть, загляднѣе! Первое имѣетъ современный интересъ, другое у него раскупили бы на расхватъ. *И. О. Афремовъ* никакъ не рѣшается печатать свои сочиненія, а ихъ, говорятъ, у него-таки довольно. Для кого же онъ пишетъ? Для себя? Для удовольствія писать! Право, я этому не вѣрю. Для потомства? Но иногда случается, что къ этому недоступному барину не все доходить по адресу. Въ Телеграфѣ была напечатана небольшая статейка *И. О.*, доказывающая его огромную начитанность и зоркій взглядъ на историческія событія, ускользнувшія отъ вниманія опытныхъ разыскателей, слѣдовательно я имѣю основательную причину думать, что труды такого писателя могли бы принести пользу этой отрасли знанія...

Замѣтивъ, что старикъ усталъ говорить, мы сказали: — Въ бѣгломъ обзорѣ произведеній Тульскихъ литераторовъ, вы забыли о поэтѣ, признанномъ Музами и даже Аполлономъ, въ созданіяхъ котораго начали-было сверкать искры несомнѣннаго дарованья. *А. С. Хомяковъ*, какъ Тулянинъ, имѣетъ полное, неоспоримое право на наше о немъ воспоминаніе. Его Ермакъ и Димитрій Самозванецъ, исполненные драматическихъ движеній и эффектныхъ сценъ, заслужили всеобщую похвалу и присвоили ему извѣстность. Послѣ такихъ счастливыхъ успѣховъ,

А. С. замолчалъ. Но теперь, что читаемъ... А. С. пишетъ краснорѣчивыя брошюры «О пользѣ спеціального размежеванія земель». Вѣроятно, поэтъ, увлекшись требованіемъ нашего вѣка склонилъ взоры къ предметамъ болѣе положительнымъ!

— У насъ живетъ и еще одинъ литераторъ, не извѣстный почти ни кому. *М. М. Скорняковъ* съ успѣхомъ занимается Русскою словесностію. Въ Б. для Ч. 1834 года была помѣщена его занимательная повѣсть подъ названіемъ: «Карло Карлини», написанная въ юмористическомъ тонѣ. Сверхъ того молодой Скорняковъ обладаетъ и музыкальнымъ талантомъ.

— Мнѣ кажется, что и редактора «Тульскихъ губернскихъ вѣдомостей» *В. П. Казаринова*, можно причислить къ писателямъ, которые работаютъ перомъ не для славы, а для общественной пользы, сказалъ Мардарій, державъ въ рукахъ листки этой газеты за 1838 годъ. Согласенъ, что литературнаго достоинства въ нихъ мало, за то усердія было много. По всему видно, что «Прибавленія къ вѣдомостямъ» издаются съ тою единственною цѣлю, чтобы посредствомъ ихъ познакомить читающую публику съ нашимъ краемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Предметовъ разнообразныхъ и любопытныхъ для этого отдѣленія газетъ достаточно было бы лѣтъ на двѣсти, если не больше, и.... что же намъ предлагаютъ, что помѣщаютъ въ этихъ прибавленіяхъ! Вѣроятно, за неимѣніемъ ничего оригинальнаго, редакторъ рѣшился перепечатывать агрономическія статейки изъ другихъ губернскихъ вѣдомостей, статейки сухія, скучныя... Хозяева наши съ удовольствіемъ читали все, что написалъ *С. М. Глѣбовъ* «О рациональномъ способѣ воздѣлыванія свекловичныхъ высадокъ». Это, видите, не практическіе результаты, а теорія, записанная въ кабинетъ... Понимаете? Но «Средства противъ червей»—отнимаетъ охоту заглядывать въ столбцы нашихъ вѣдомостей. Извѣстно, что у насъ, въ Тульѣ, нѣтъ поэтовъ: они въ отсутствіи, но поэтическія выходки въ прозѣ можно видѣть № 16 «Прибавленій», о которыхъ я вамъ говорю. Послушайте. И Мардарій началъ читать слѣдующее:

«Зеленая Дубрава, столь извѣстная въ нашей исторіи, и сохранившая свое названіе еще до сихъ поръ, находится въ двухъ верстахъ отъ села Рожествена. Этотъ живой памятникъ славы Донскаго близокъ уже къ разрушенію: отъ всей дубравы оста-

лось не болѣе двухъ сотъ полуиссохшихъ дубовъ, безмолвныхъ свидѣтелей доблестной битвы.»

— Зеленая Дубрава? Не помните ли вы чего-нибудь о Зеленой Дубравѣ? По крайней мѣрѣ она не извѣстна мнѣ; думаю, что и другіе врядъ ли объ ней слыхивали, продолжалъ Мардарій. Неужели въ самомъ дѣлѣ тѣсь, упоминаемый авторомъ, былъ тотъ самый, близъ котораго происходила битва Куликовская? Разумѣется, нѣтъ! Онъ хотѣлъ пошутить надъ легковѣрностію читателей, втравливающихъ во все печатное... Ужъ когда дѣло пошло на мечтательность, то любезному автору слѣдовало бы добавить, что въ этой Дубравѣ нашли Донскаго «подъ деревомъ, совсѣмъ изнемогающаго и въ крови своей лежавшаго». Потомъ стоило бы только замѣтить тотъ дубъ, подъ которымъ лежалъ раненный герой, и даже не мѣшало бы смѣрить мѣсто его лежа... Можно держать пари какое угодно, что многіе бы потѣхали и пошли смотрѣть на «живой памятникъ славы» и мистификація достигнула бы своей цѣли... По моему, такъ самая дѣльная статья въ »Прибавленіяхъ« есть «Краткое описаніе каждаго города Тульской губерніи съ его уѣздомъ». Статистическая часть его довольно удовлетворительна, хотя могла бы быть и лучше; но никто, я полагаю, не похвалитъ историческаго очерка въ этомъ «Краткомъ описаніи». Поверхностный, почти ученическій взглядъ, брошенный на событія, случившіяся въ нашей губерніи, ненадежные источники, слабость доказательствъ, ошибки, пропуски, мелочные предметы, не стоящіе замѣчанія — вотъ главные его недостатки. Эта обширная статья начинается не посильными разысканіями, а выпискою изъ Стриттера, и притомъ выпискою совершенно неудачною. «Полагаясь на слова Стриттера, который говоритъ, что Святославъ Ольговичъ въ 1147 году шелъ изъ Козельца (читай изъ Козельска) на Донъ черезъ Тулу—можно думать, что въ XII столѣтіи Тула уже существовала,» пишетъ авторъ статьи. Нѣтъ! такъ нельзя думать. Только *Memoriae Populogium ad Danubium* составили извѣстность Стриттера, но его «Исторія Рос. Госуд.» — мутноватый источникъ. Кто же нынче будетъ ссылаться на такой авторитетъ, когда дѣло идетъ о исторической истинѣ? Рѣшительно никто. Уже одно это обличаетъ въ авторѣ неглубокіе взгляды его на исторію нашего отечества. Неужели, кромѣ Стриттера, у насъ нѣтъ твореній, окредито-

ванныхъ общимъ вниманіемъ людей ученыхъ? Они есть, и даже ихъ много. Недавно я наводилъ историческія справки, именно по поводу этого ложнаго показанія, и когда-нибудь сообщу вамъ мои замѣтки.

— Не когда-нибудь, а изволь-ка приготовить твои справки къ первому нашему свиданію, перебилъ его старикъ, откашливаясь. Всегда разсѣянный, ты только общаешься; но, къ сожалѣнію, часто и не думаешь исполнить своихъ обѣщаній, прибавилъ онъ, кинувъ обвинительный взоръ на Мардарія, который, сдѣлавъ утвердительный знакъ головою, продолжалъ:

— Далѣе: «Тула была совершенно ограждена отъ внѣшнихъ нападеній укрѣпленіями и войскомъ. Эти укрѣпленія составляли засѣки,» говоритъ сочинитель «Краткаго описанія». Не знаемъ, что и какъ было въ отдаленной древности, но въ старину засѣка наша если не перерывалась въ нынѣшнемъ Щегловскомъ форштатѣ, то не упиралась въ Упу, потому что хотя въ старину обиліе лѣсовъ дремучихъ въ Россіи могло бы быть, казалось, важнымъ препятствіемъ для внезапныхъ нападеній непріятеля, однако жъ они, повидимому, не удерживали его стремительныхъ движеній. Доказательствомъ этому могутъ служить безпрестанные набѣги Нагайскихъ и Крымскихъ Татаръ. Современныя извѣстія утверждаютъ, что въ 1500 году, родоначальникъ князей Мстиславскихъ, князь Ѳ. М. былъ первымъ воеводою войскъ *на поль* за Тулою, что уже въ половинѣ XV вѣка «градъ Тула *на поль* находился». Князь Курбскій пишетъ, что «Царь Перекопскій... облегъ мѣсто великое, *мурованное*, Тулу» Въ 1552 году Ханъ Крымскій, пораженный подъ Рязанью, бросился къ Тулѣ и, никѣмъ не замѣченный, прокрался съ своими дикими полчищами къ нашему городу, и осадилъ крѣпость, которую защищали одни граждане, а войска тогда у насъ не имѣлось. По Воронежскому тракту, на югъ, засѣки никогда не существовало. Это открытое мѣсто было укрѣплено глубокимъ каналомъ и высокимъ валомъ, обнимающими значительное пространство городской земли. Кстати скажу, что правительство наше постоянно заботилось о государственныхъ лѣсахъ. Въ 1598 году князь Засѣкинъ, а въ 1636 году князь Щербатовъ посланы были осматривать и дѣлать Тульскую, Веневскую и Каширскую засѣки. Въ 1678 году князь Шаховской

«дозорнымъ у Каширскихъ засѣкъ и для засѣчнаго строенія воеводою былъ.» Далѣе, напрасно сочинитель «Краткаго описанія» сказалъ, что время построенія Бѣлева и Новосила — неизвѣстно. Оно такъ, если хотите; но объ этихъ городахъ упоминаетъ летописецъ въ XII вѣкѣ. Они, также какъ и Одоевъ, Алексинъ, Кашира и Веневь изъ древнѣйшихъ городовъ нашей губерніи. Основательно замѣтилъ сочинитель, что Бѣлевъ получилъ свое названіе отъ рѣчки Бѣлевки, протекающей въ этомъ уѣздномъ городѣ, а не отъ свойства глины и не отъ мѣловаго пласта въ горахъ, находящихся въ его окрестностяхъ, какъ прежде кто-то замѣтилъ, что упустилъ изъ вида сочинитель статьи, напечатанной въ Энциклоп. лексиконѣ. Но они оба, кажется, не знали, что въ старину называли этотъ городъ «Бѣлевъ на Бортникъ» Не надобно думать, по мнѣнію моему, чтобы слово «бортникъ» относилось къ пчеловодамъ, промышленникамъ, занимающимся присмотромъ за бортью; напротивъ, оно намекаетъ, кажется, на продольныя стороны барокъ — борты. Въ Бѣлевѣ, лежащемъ при Окѣ, нагружаютъ барки хлѣбомъ, который отправляютъ въ Калугу и Москву. «На Бортникъ» не выражаетъ ли это смысла: портового города? Такъ, по крайней мѣрѣ, я полагаю. Впрочемъ легко могу ошибаться... Напрасно увѣряютъ насъ, что Елифанъ построена въ 1679 году: она существовала ста годами прежде. Напрасно также утверждаютъ, что «построеніе Черни относится ко временамъ отдаленнымъ; но къмъ и когда она основана — не извѣстно.» Къмъ? Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Когда? Въ 1578 году. Наконецъ, напрасно сочинитель «Краткаго описанія» обвиняетъ почтенныхъ строителей храма во имя Николая Чудотворца въ Веневь за то, что они будто бы, желая соорудить колокольню равную колокольнѣ Ивановской въ Москвѣ въ отношеніи высоты, не отстроиваютъ храма единственно по этому обстоятельству. Обвиненіе несправедливое и не подкрѣпленное ни малѣйшими доказательствами! Строители, сооружая храмъ Господу, и не думали о такихъ суетныхъ вещахъ. Далѣе: «Въ Богородицкѣ, пишетъ авторъ той же статьи, замѣчательнъ каменный прекрасной архитектуры дворецъ»... Дворецъ? Какой? Домъ, о которомъ разумѣлъ авторъ, находится не въ городѣ, а въ селѣ Богородицкомъ, лежащемъ на берегу, по ту сторону Лѣснаго-Уперта, селѣ, не составляющемъ даже и предмѣстія

Богородицка. Это аффектація. Какъ жалко, что множество предметовъ, несравненно любопытнѣйшихъ, или имѣющихъ историческій интересъ, оставлены авторомъ безъ всякаго взгляда, а описаніе какого-нибудь дома, принадлежащаго частному лицу, дома, ни чѣмъ не замѣчательнаго, заняло мѣсто въ колоннахъ «Прибавленій»; между-тѣмъ какъ онъ умолчалъ о Двѣдославль, столь славномъ своею древностію; умолчалъ о глыбовой рудѣ, добываемой въ его окрестностяхъ не только въ старину, но и въ наше время; умолчалъ о Ведменскихъ и Ченцовскихъ заводахъ (въ Алексинскомъ уѣздѣ), основанныхъ въ XVII вѣкѣ Голландцемъ Акемой и Гамбургцемъ Марселюсомъ; умолчалъ о Веневской обители (Тульскаго уѣзда), одной изъ древнѣйшей въ нашей губерніи, обители, ожидающей еще своего историка; умолчалъ о селахъ—Зайцовъ и Малаховъ (близъ Тулы), гдѣ находятся чудотворныя иконы: туда всякой день сходится множество богомольцевъ. Мало этого: развѣ не стоитъ вниманія село Гремячево (Веневскаго уѣзда), замѣчательное своею древностію, и еще потому, что это село еще въ 1633 и въ 1675 годахъ было городокъ; развѣ не стоитъ замѣтокъ писателя и село Медвѣдки (Алексинскаго уѣзда), принадлежавшее храбрымъ генераламъ Вельяминовымъ. Въ обширномъ домѣ ихъ находятся вещи любопытнѣйшія. Впервыхъ: драгоценное собраніе всякаго рода оружія и одеждъ Сибирскихъ и Кавказскихъ народовъ; вовторыхъ: богатая библіотека, занимающая нѣсколько залъ, библіотека, которую, по огромности ея, не могли купить Московскіе книгопродавцы. Она единственная въ цѣлой губерніи. Въ ней найдете рѣдкія изданія и книги, которыя положительно доказываютъ, что владѣльцы ея были люди образованнѣйшіе. Сверхъ-того тамъ хранится и множество превосходныхъ гравюръ и эстамповъ; есть также и физическіе инструменты, выписанные изъ Англіи.... А Иванъ-Озеро, а Гурьево....., а Серебряные-Пруды, а Поповка, а Сергіевское? Первое примѣчательно тѣмъ, что изъ озера, извѣстнаго подъ именемъ Иванъ-Озера, вытекаетъ на югъ—Донъ, на сѣверъ—Шатъ. Къ сожалѣнію, новѣйшіе писатели сомнѣваются въ томъ, въ чемъ нечего сомнѣваться. Стоитъ только осмотрѣть мѣстность, что бы убѣдиться въ непреложности этой истины. Здѣсь производятъ значительный торгъ хлѣбомъ. Купцы на Иванъ-Озерѣ всѣ почти переселенцы изъ Венева. Они оставили родовой городъ

по ничтожности его торговли. Гурьево, Саженьки и Тятино (всѣ Веневскаго уѣзда) замѣчательны по особенной промышленности ихъ жителей. Отсюда вывозятъ камень въ Тулу на значительный капиталъ. Загляните въ тамошнія каменоломни — и вы согласитесь, что каждая копейка имъ не даромъ достается. Всю среду и субботу вы увидите цѣлые обозы, тянущіеся по Тульской дорогѣ, тяжелый грузъ котораго составляетъ бѣлый камень. Серебряные-Пруды принадлежатъ графу Шереметеву, гдѣ находится одинъ изъ знаменитыхъ конныхъ заводовъ въ нашемъ краѣ, и гдѣ каждый годъ продаютъ съ аукціона кровныхъ лошадей. Въ селѣ Поповкѣ съ незапамятныхъ временъ была значительная ярмарка (23 Апрѣля), на которую съѣзжалось купечество изъ Тулы, Алексина, Серпухова, Каширы, Венева, Коломны, Бронницъ и даже Москвы. Она переведена теперь въ Каширу, но стоитъ того, чтобы объ ней вспомнить. Последнее рѣдкій не знаетъ, кто протѣжалъ изъ Тулы въ Кіевъ. Смычка хлѣба на сумму чрезвычайно значительную составляетъ главный промыселъ жителей Сергіевскаго, принадлежащаго князю С. С. Гагарину. Въ историческомъ сочиненіи не лишне бы было упомянуть и о разныхъ заводахъ и фабрикахъ, находящихся въ нашей губерніи. вмѣсто того, чтобы описывать какой-то дворецъ, не лучше ли бы было описать заводы, принадлежащіе графу В. А. Бобринскому и М. П. Глѣбову, заводы, на которыхъ выдѣлывается изъ свекловицы знатное количество превосходнаго сахара. Развѣ можно забыть такое же заведеніе иностранца А. А. Безвала, агронома, посвятившаго себя на это полезное дѣло? Оно находится отъ Тулы въ 16 верстахъ въ сторону отъ Рязанскаго тракта въ деревнѣ Колодезной. Къ Безвалю пріѣзжаютъ люди извѣстные, опытнѣйшіе хозяева, взглянуть только на его отлично-устроенный свекло-сахарный заводъ. Любопытно было бы также для читателя узнать, что на фабрикахъ князя А. И. Горчакова (въ Каширскомъ уѣздѣ) и И. А. Пушкина (въ Веневскомъ уѣздѣ) выдѣлывается сукно, которое въ достоинствѣ и прочности не уступаетъ иностраннымъ сукнамъ. Обыкновенно съ этихъ двухъ фабрикъ поступаетъ его въ продажу тысячъ на сто рублей каждый годъ. Въ Тульскомъ уѣздѣ замѣчательны также мѣдные заводы купцовъ: И. И. Бѣлобородова и Ломова. Последнему принадлежитъ и бумажная фабрика.... Но можно ли въ бѣгломъ очеркѣ указать

вдрудъ на множество разнообразныхъ предметовъ, оставленныхъ безъ вниманія сочинителемъ «Краткаго описанія»....

— Всего удивительнѣе, что авторъ его безусловно вѣрить баснѣ, основанной на преданіи, сказали мы. «Въ 1607 году, говоритъ онъ, осаждающіе построили плотину на рѣчкѣ Воронкѣ, чтобы затопить городъ и принудить тѣмъ сдаться осажденнаго Самозванца съ его сообщниками.» Помилуйте, да это дѣло невозможное, судя по мѣстному положенію Воронки. — Чтобы наводнить Тулу, надобно было прежде подумать о томъ, что Воронка тутъ же впадаетъ въ Упу, которой отлогіе берега не позволили бы этаго сдѣлать, потомъ насыпать плотину съ цѣлою гору... Для такой Египетской работы не достало бы ни времени, ни рукъ, ни искусства. Но если осаждающіе дѣйствительно хотѣли затопить только лугъ и все пространство, по которому протекаетъ Воронка, чтобы преградить всякое сообщеніе клеветамъ Самозванца, то и въ этомъ случаѣ они, какъ синица Крылова, надѣлали только шума, а море не зажали.

Тутъ Тульскій старожилъ не выдержалъ:

— Мардарій обѣщаль намъ прочитатъ какія-то историческія справки и замѣчанія собственнаго сочиненія, следовательно очередь теперь за тобой доказать справедливость твоего мнѣнія относительно наводненія Тулы въ 1607 году, которое ты такъ рѣшительно отвергаешь, сказалъ старикъ, обращаясь къ намъ съ полною надеждою завербовать и насъ въ собиратели Тульскихъ древностей.

— Пожалуй, если вы того непременно желаете, отвѣчали мы. Но прежде посмотримъ: далеко ли Мардарій ушелъ съ своими Левекомъ, Леклеркомъ и Сегюромъ....

— Дальше, нежели вы думаете, отвѣчалъ Мардарій.

— Хорошо, увидимъ.

— Увидать тутъ нечего, развѣ что услышите.

— Помни, что въ слѣдующую нашу бесѣду ты обязанъ прочитатъ намъ твои историческіе опыты, а что касается до насъ, то это какъ нибудь послѣ, послѣ....

— Не забуду.... честное слово....

— Это больше нежели клятва при гробѣ....

— По крайней мѣрѣ не меньше....

— Вѣрю — и молчу.

— Любя все историческое, началъ говорить старикъ, я долго и постоянно волочился за двумя рукописями, изъ которыхъ одна принадлежитъ купцу Грязеву, другая чиновнику здѣшняго оружейнаго вѣдомства. Первая подъ названіемъ «О градъ Туль». Она писана въ четвертую долю листа, кудрявою, но крупною скорописью, и относится къ царствованію Θεодора Алексѣевича. Памятникъ чрезвычайно любопытный. Кромѣ того, что извѣстія ея о нашемъ оружейномъ заводѣ драгоценны въ историческомъ отношеніи, она содержитъ въ себѣ и многія другія извѣстія, о которыхъ и не догадывались наши историки. Вторая безъ заглавія, но ея смѣло можно назвать: «О провинціальномъ городѣ Туль», потому что сочинитель больше не о чемъ не говоритъ, какъ только о томъ, что дѣлалось въ Туль. Правда, въ ней мало собственно историческаго, за то она важна въ отношеніи событій, современныхъ ея автору, о которыхъ онъ рассказываетъ съ плодovitою подробностію. Сочинитель ея жилъ и писалъ въ государствованіе Императрицъ Анны и Елисаветы—слѣдовательно въ самое любопытное время нашей исторіи XVIII вѣка, потому что мы не богаты письменными памятниками этого періода. Это былъ какой-то почьячій, присланный изъ Петербурга въ Тулу въ качествѣ фискала тогдашняго правительства (въ 1737 году), то есть, отъ могущественнаго Бирона, который поручилъ ему секретный надзоръ за государственными преступниками, содержащимися въ здѣшнемъ тюремномъ замкѣ. Надобно полагать, что это была черновая его записка, потому что она писана небрежно, и вездѣ носитъ на себѣ слѣды помарокъ. Съ Нѣмецкою аккуратностію онъ записывалъ, на примѣръ, въ какой день и даже часъ водили арестантовъ въ одну изъ башенъ крѣпости нашей для пытки. Подумаешь, что сочинитель сродни извѣстному Желябужскому, котораго рукопись недавно напечатали. Но въ царствованіе Елисаветы этотъ самый подьячій находился, кажется, уже не въ милости, и жилъ у насъ подъ присмотромъ мѣстнаго начальства. Мы, не имѣя своего лѣтописца, могли бы почерпнуть изъ этого источника важные для насъ свѣдѣнія. Повѣрите ли, что мнѣ стоило великихъ жертвованій уговорить владѣльцевъ, сказанныхъ рукописей объ одной милости: позволить только посмотреть на ихъ бумажное сокровище.... Я списалъ (при нихъ) оглавленія, перелистовалъ, прочиталъ нѣсколько строкъ на нѣкоторыхъ страницахъ и.... больше я ничего не могъ сдѣлать.

Чудаки думали, что я имѣю дурное на умѣ, а именно: желаю зачитать ихъ книги... Что ты будешь дѣлать съ малограмотными, а сердиться на нихъ грѣшно — они жалки.

Тульскій старожиль опять замолчалъ, и, повидимому, расположился на продолжительный отдыхъ въ своемъ спокойномъ креслѣ; а мы воспользовались ваканціею и начали говорить.

— Вы напомнили намъ о письмѣ, недѣли двѣ назадъ полученномъ нами отъ малограмотнаго, сказали мы, выдержувъ замятку изъ книги, лежащей на столѣ, близъ котораго тогда сидѣли. Надобно прежде всего объяснить вамъ обстоятельство, вынудившее малограмотнаго писать къ намъ. Покойный нотаріусъ — полагаю что и вы знали его — имѣлъ нѣсколько рукописей, и одна изъ нихъ возбудила въ насъ непреодолимое желаніе просмотрѣть ее попристальнѣе. Она писана отцемъ покойнаго нотаріуса, жившемъ на бѣломъ свѣтѣ сто двадцать лѣтъ, и умершемъ тому болѣе полвѣка. Старецъ вносилъ въ эту книгу все важныя и неважныя, государственныя и частныя событія своего времени. По этому-то случаю мы убѣждали на словахъ и на бумагѣ владѣльца ея одолжить намъ дня на три эту Тульскую лѣтопись. Послушайте жъ, что къ намъ пишетъ, между прочимъ, землякъ нашъ. И мы, развернувъ письмо, начали читать слѣдующее:

«Теперь я разсматриваю рѣдкости, вамъ извѣстныя, и — увы! никакъ не могу ихъ доставить вамъ. Рѣшительно онѣ писаны не для свѣта! Есть примѣчанія и выраженія, достойныя добраго камина — этаго чистилища грѣховъ бумажныхъ. Въ одной изъ рукописей, о которой вы такъ беспокоитесь, находятся разныя біографіи, описаніе путешествій и случаевъ, нравовъ и обычаевъ жителей Туль; но все это высказано такъ, какъ только можно говорить одному съ бумагой. Старина! Въдъ тому прошло слишкомъ сто лѣтъ, какъ эта книга существуетъ. Позвольте же мнѣ заняться кой-какой обработкой сей дизгармоніи, и вырвавъ изъ нее нѣкоторыя внутренности, я буду имѣть честь услужить вамъ этою рукописью.»

— Вятчъ девятнадцатаго вѣка! вскричалъ Мардарій.

— Такъ-то погибли, можетъ статья, отъ руки невѣждъ и многія сокровища нашей старой письменности, прибавилъ Тульскій старожиль, устремивъ на насъ печальные взоры.

Желая утѣшить огорченнаго старика, мы спросили его: А о рукописи адъютанта князя Потемкина или вы забыли?

— Напротивъ очень хорошо помню. Боуръ у меня съ ума нейдетъ. Это также рѣдкость: она — оригинальный документъ, а подобная находка для любителей старины дороже денегъ. Но какъ ни любопытны такіе историческіе матеріалы, а они далеко уступаютъ тому памятнику XVII вѣка, о которомъ я слышалъ. Одинъ небогатый гражданинъ, знающій толкъ въ книжномъ дѣлѣ, человекъ болѣе нежели грамотный, увѣрялъ меня, что онъ не только видѣлъ, но даже имѣлъ сборникъ, писанный какимъ-то монахомъ Харлампіемъ, называющимъ себя «окаяннымъ душегубцемъ, опричникомъ». (Замѣтите — опрачникомъ). Одна половина этого сборника, писаннаго полу-уставомъ, въ четвертую долю листа, содержитъ въ себѣ отрывочныя выписки изъ Нестора и его продолжителей безъ всякой послѣдовательности; но другая половина начинается происшествіями съ 1569 года и оканчивается 1614 годомъ. Оставивъ службу царскую, въ 1579 году, Харлампій удалился въ Веневскую обитель, чтобы въ молитвѣ и постѣ провести остатокъ своей жизни. Крѣпко сомнѣваясь въ существованіи такого необыкновеннаго явленія въ области нашей старой письменности, я, разумѣется, хотѣлъ знать обстоятельныя подробности объ этомъ сборникѣ. Вотъ что разсказалъ мнѣ благородный гражданинъ. Одинъ Тульскій купецъ, котораго я фамилію забылъ, всякой годъ ѣзжалъ съ товарами на ярмонку въ Веневъ-монастырь, упраздненный, какъ извѣстно, въ 1764 году, но въ которомъ еще жили монашествующіе до 1782 года, гдѣ и познакомился съ іеромонахомъ, а потомъ они находились уже въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Купецъ охотникъ былъ до книгъ божественныхъ, и ссужалъ ими іеромонаха. Вѣроятно, что и іеромонахъ давалъ ему книги изъ книгохранилища своей обители, потому что сборникъ послѣ смерти купца оказался въ числѣ его собственности. Умирая, онъ оставилъ дѣла свои въ худомъ положеніи, такъ что сынъ его переписался въ мѣщанѣ, и по скудности средствъ къ жизни, уступилъ кому-то за бездѣлку маленькую бібліотеку своего отца. Новый владѣлецъ, не зная толка въ рукописяхъ, послалъ продать сборникъ на торгъ. Гражданинъ, который мнѣ объ этомъ разсказывалъ, купилъ его, но перѣзжая съ одной квартиры на другую, затерялъ. Какъ ни правдоподобны такіа об-

стоятельства, однако мнѣ все что-то не втрилось. Уже гораздо послѣ сказаннаго времени, я случайно попалъ на слѣдъ дополнительныхъ извѣстій о сборникѣ, слѣдъ, который мало оставляетъ сомнѣнія въ его дѣйствительномъ существованіи. Я слышалъ, что въ Синодикѣ упомянутой обители, который видѣли въ нашемъ Предтечевъ монастырѣ, находилось имя, «мниха Харалампія» съ дополненіемъ: «бывшій опричь». Если все это правда, то мы лишились одного изъ драгоценнѣйшихъ памятниковъ, который могъ бы рѣшить важнѣйшіе историческіе вопросы, до сихъ поръ остающіеся безъ отвѣта, какъ могила.

— А какіе же это вопросы, напримѣръ, которые могъ бы рѣшить Веневскій сборникъ, если бы онъ и нашелся, дѣдушка Аристархъ?

— Впервыхъ, опричникъ, писавшій его, былъ не только современникъ Іоанна Грознаго, но и участникъ въ злодѣяніяхъ своего кровожаднаго повелителя. Раскаившись въ своихъ, можетъ быть, неслыханныхъ преступленіяхъ, опричникъ уединился въ пустынную обитель, гдѣ, принявъ имя Харалампія, и высказалъ всю истину, вбѣривъ ее перу и бумагѣ, не боясь уже никакихъ послѣдствій за свою исповѣдь, потому что онъ писалъ въ 1614 году. Въ вторыхъ, дѣйствительно ли былъ Іоаннъ IV тѣмъ, чѣмъ сдѣлалъ его Таубе, Крузе, Гваньини, Курбскій, Ульфельдъ и другіе? Помнится, Каченовскій (*) и Арцыбышевъ взялись было оправдывать Грознаго и порицать его непримиримыхъ враговъ, изъ которыхъ трое носили довольно неблагозвучныя имена: вѣдь они были бѣглецы, измѣнники; но какъ ни ловко защищали адвокаты своего вѣнценоснаго клиента, представляя убѣдительныя доказательства своего безпристрастія и своей учености, опирающейся на факты, разработанные критикою, но это дѣло не получило тогда окончательнаго приговора нашихъ повѣствователей, и оставлено впредь до разсмотрѣнія. Втретьихъ, справедливо ли то обвиненіе, которое, переходя изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, пятнаетъ память одного изъ великихъ царей Русскихъ — Бориса Федоровича Годунова? Обвиненіе, очевидно основанное на недоброжелательствѣ его современниковъ, всегда почти подозрительною,

(*) Каченовскій не писалъ ни слова объ Іоаннѣ, а только помѣстилъ у себя въ журналѣ статью Г. Арцыбышева. *Ред.*

и на слѣпомъ къ нимъ довѣрїи потомства. Прежде, нежели была написана И. Г. Р., Карамзинъ, стоявъ надъ могилою этого несчастнаго, но мудраго Государя, въ Троицкой Лаврѣ, сказали: «Что если мы клеветемъ на его прахъ?» — Потомъ въ И. Г. Р. на первыхъ же страницахъ перваго тома говорить: «Историкъ не долженъ предлагать вѣроятностей за истину, доказываемую только ясными свидѣтельствами современниковъ» — и, забывъ слова, повидимому вырвавшіяся изъ глубины души его, вездѣ дѣлается уже строгимъ судьбою, который только обвиняетъ. Я не согласенъ съ г. профессоромъ Устряловымъ, который сказалъ, что: «Рѣдко злоба водила перомъ нашихъ лѣтописцевъ, лезть почти никогда.» Къ сожалѣнію, все они были... легко-вѣрны, записывая то, что только слышали. Въ любомъ хронографѣ, напримѣръ, вы прочитаете: «Многіе же глаголаху, яко еже убїенъ благовѣрный Царевичъ Дмитрій Ивановичъ Углицкій повелѣніемъ Московскаго Болярина Бориса Годунова.» Глаголаху! Да мало ли что говоритъ народъ: ему вѣрить не возможно. Не даромъ гласитъ пословица: «Людская молва, что морская волна...» Показанія современныхъ лѣтописей доходятъ до нелѣпости. Никоновская и Морозовская утверждаютъ, что Борисъ Ѳеодоровичъ не только былъ убійцею Св. Дмитрія, но и отравилъ брата его, Ѳеодора Іоанновича, то есть, своего благодѣтеля и шурина. Этого мало: они приписываютъ ему же и смерть Шведскаго королевича Іоанна, жениха Ксенїи. Несчастнаго Царя Русскаго, Годунова, нѣкоторые обвиняли даже и въ смерти родной сестры его, Царицы Ирины Ѳеодоровны... Послѣ этого ясно, что мы не можемъ и думать о прагматической исторїи нашего отечества, и что сборникъ, о которомъ я заговорился, чрезвычайно былъ бы любопытенъ, по крайней мѣрѣ, онъ не уступилъ бы «Сказанію Кошихина.»

— Хотя Археографическая Коммиссія старательно собирала изъ всѣхъ почти архивовъ письменные памятники для изданія ихъ въ свѣтъ; но въ нѣкоторыхъ хранилищахъ уѣздныхъ городовъ, напримѣръ, въ городническихъ правленіяхъ, по неизвѣстнымъ обстоятельствамъ, осталось еще значительное количество свертковъ, сложенныхъ въ пирамиды, замѣтили мы. Конечно, для Русской исторїи не предвидится уже важныхъ прїобрѣтеній отъ этихъ уцѣлѣвшихъ патятниковъ, однакожь не лишнее было бы взглянуть окомъ наблюдательнымъ въ доку-

менты старыхъ дѣлъ, быть можетъ, забытые безпечною и брошенные на произволъ судьбы въ сырые подвалы, называемые архивами. Любитель старины отечественной напрасно будетъ спрашивать тамъ почтенныхъ архиваріусовъ снабдить его росписью и алфавитомъ, съ помощію которыхъ тотчасъ можно узнать достоинство документовъ... На вопросъ о нихъ, онъ получитъ отвѣтъ въ короткихъ словахъ: «Таковыхъ—де не имѣется». И вотъ любитель археографіи находится, такъ сказать, въ царствѣ бумажнаго хаоса, въ морѣ чернилъ, которыми, во времена оны, исписали разными почерками, похожими на узоры, длинные—предлинные столбцы! Безъ путеводителя, безъ всякихъ средствъ удовлетворить свое благородное любопытство, ему остается, во первыхъ: вооружиться стоическимъ терпѣніемъ, и вовторыхъ: читать всѣ рукописи, находящіяся въ архивѣ, а такая работа тяжела и убійственна, потому что изъ тысячи свертковъ, прочитанныхъ имъ, едва ли окажутся десятыя особенно замѣчательныхъ документовъ. Голые факты рѣдки какъ алмазы. Любители археографіи это знаютъ по опыту.

— Дѣдушка Аристархъ, сказалъ Мардарій, насмѣшливо улыбаясь, если вы уже на старости лѣтъ такіе волокиты за древностями, то не бесполезно бы было похлопотать вамъ около книжныхъ шкафовъ нашихъ богатыхъ купцовъ, тѣхъ, которыхъ называютъ старообрядцами.

— Старообрядцевъ, раскольниковъ?

— Да, да.

— Плохая пожива, и хлопотать нечего: игра не стоитъ свѣчъ, отвѣчалъ старикъ, махнувъ рукою. Чтò, вы думаете, хранится у нихъ въ книжныхъ шкафахъ? Старопечатныя книги, кое у кого есть хронографы, у нѣкоторыхъ, правда, найдете списки Нестора, харатейныя Евангелія... Отъ первыхъ я добровольно отказываюсь; хронографы хотя не лишены интереса, а въ спискахъ Нестора кое-что могло бы обратить на себя вниманіе знатоковъ древностей; да тѣ, которымъ они принадлежать, ни за какія блага міра сего не согласятся ввѣрить мнимаго своего сокровища кому бы то ни было. Теперь я сказалъ все...

— Какъ все! воскликнули мы. Вы упрекали другихъ въ литературной скромности, а сами прикидываетесь литературнымъ смиренникомъ? Намъ хорошо извѣстно, что и въ вашихъ портфеляхъ много вещей, въ высшей степени интересныхъ...

Улыбка авторскаго самолюбія скользнула по губамъ Тульскаго старожила, и фізіономія его принесла самое пріятное выраженіе.

— Терпѣніе, господа, терпѣніе! говорилъ онъ перекладывая одну ногу на другую. Я теперь не на шутку принялся за мои записки, и надѣюсь, что скоро буду имѣть удовольствіе пригласить васъ на чтеніе досильныхъ трудовъ моихъ. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. По крайней мѣрѣ смѣю думать, что вы не задремлете, слушая современника Екатерины Великой, который много жилъ и много видѣлъ.

Старикъ не предчувствовалъ, что ровно черезъ два года къ намъ присланы будутъ пригласительные билеты... Н. А.

Село Торхово.

НОВОСТЬ ИЗЪ ХИВЫ И ТОРГОВЫЙ ВЗГЛЯДЪ МОСКВИЧА НА ВОСТОКЪ.

По извѣстіямъ, полученнымъ здѣсь вчерашній день изъ Хивы, тамошній обладатель, Алахъ Кули-Ханъ, (т. е. приблизительно по-русски Богданъ или рабъ Божій) скончался; ему наследовалъ единственный его сынъ, молодой человекъ лѣтъ 20, живой и смѣлый, Рагимъ или Ибрагимъ. Смерть Хивинскаго Хана положила конецъ кровавымъ распрямъ между Хивою и Бухарою, и совершенно уничтожила обширные и смѣлые замыслы Хана Бухарскаго, уже начавшаго приводить ихъ въ исполненіе. Эти замыслы заключались въ соединеніи вооруженною силою подъ одну свою власть обѣихъ Бухарій, Ходжанта, Ташкента, Туркестана, Хивы, Шершабеса, Балка, Фазабата и Яркента. Онъ даже простиралъ виды на Кабуль, Кандагаръ, Герать и Пешеверь. Если бы ему это удалось, то онъ былъ бы сильнѣйшимъ и богатѣйшимъ владѣльцемъ въ Средней Азій, ибо все лучшіе торговые города вошли бы въ составъ его владѣній. Дальновидный и дѣятельный, онъ уже началъ образованіе регулярнаго войска и артиллеріи. Дѣломъ этимъ занимается у него Персіанинъ, котораго для этой цѣли приготовили Англичане по порученію покойнаго наследника Персидскаго престола Абассъ Мирзы. А дабы показать, что онъ не боится новыхъ своихъ соседей со стороны Кабула, въ прошедшемъ Октябрѣ мѣсяцѣ этотъ храбрець казнилъ подозрѣваемыхъ въ шпіонствѣ 2 Англійскихъ

2-й экз.

МОСКВИТЯНИНЪ,

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ III.

№ 5.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1843.

стоитъ со страхомъ и трепетомъ. Сколько бы я ни говорила, не въ силахъ была бы выразить вамъ истинныхъ радостей и наслажденій души моей. Надѣюсь, милые друзья, что вы напишете мнѣ нѣсколько строчекъ. Письмо ваше могу получить ровно черезъ мѣсяцъ по отправленіи. Поспѣши, милая сестра, обрадовашь меня. Я увѣрена, что Екатерина Пешровна П — ва не замедлитъ доставить мнѣ это удовольствіе. Посылаю вамъ нѣсколько листочковъ и цвѣточковъ, лежавшихъ на гробѣ Господнемъ.

(Продолженіе общаго).

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

(Изъ Тулы).

Дополненіе къ первой статьѣ во 2 книгѣ Москвитянина 1843 года. ()*

Сказавъ вамъ о двухъ однофамильцахъ (сп. 596), сочиненія кошорыхъ оспались въ рукописяхъ послѣ ихъ кончины, дожидаясь, можешь спашься, благодарности признашельнаго попомства, оцѣнивающаго подобныя труды справедливыя современниковъ, всегда почти зависптивныхъ и приспращныхъ, забуду ли я тѣхъ вешерановъ — писателей нашей Губерніи, кошорыхъ многопомныя шворенія нанечашаны, а имена ихъ украшаютъ уже Исторію Русской литературы? Вы догадываешесь, что я намѣренъ говорить о *А. Т. Болотовѣ*, и *В. А. Левшинѣ*. Первый изъ нихъ обучался въ Пруссіи у

(*) Мы опоздали доставить въ редакцію Москвитянина предлагаемое здѣсь дополненіе и потому печатаемъ его особою спашьею. — Мы въ этомъ не виноваты; вся вина падаетъ на тѣхъ, которые (Богъ съ ними!), поспешили сообщить намъ подробныя свѣдѣнія о писателяхъ нашего края: они оставили безъ вниманія докучливыя наши просьбы.... Нѣкошорыхъ даже удивили настоятельныя наши убѣжденія; въ простотѣ сердца они подумали, что мы, подражая Чичикову въ сочиненіи Гоголя, хотимъ водняншся на новую спекуляцію и вербуемъ мертвыя души....

славнаго Крезіуса, и познаніями своими приносили отечеству величайшую пользу, особенно по части сельскаго хозяйства, «пишетъ Г. Языковъ. Это правда. Получивъ прочное образованіе за границей, Болошовъ возвратился въ Россію, и опытомъ его ученыхъ трудовъ было: «Дѣпская философія,» 2 части. Не смотря на идеи и духъ того вѣка, раздражавшія пылкіе умы убійственнымъ вольнодумствомъ, сочиненіе А. Т. проникнуто чистѣйшею нравственностію. Мудрено ли послѣ этого, что оно имѣло успѣхъ. Въ девятидесятыхъ годахъ онъ печаталъ свой: «Экономическій магазинъ» Мы, старые старики, помнимъ время, когда публика наша съ жадностію читала «Магазинъ» А. Т., издававшійся листами при Московскихъ Вѣдомостяхъ. Периодически являясь, эти приложенія составили впоследствии (оно 1780 до 1790 года), сорокъ полныхъ томовъ. Говорили ли мнѣ о достоинствахъ и недосконалахъ «Экономическаго магазина?» Увы! такая кришка теперь бесполезна и насмѣшила бы васъ. Довольно и того, что его читали съ удовольствіемъ, потому что онъ удовлетворялъ тогдашнія требованія не слишкомъ взыскательнаго общества. Наскучивъ непрерывнымъ упражненіемъ срочной работы, А. Т. прекратилъ свое изданіе, и бывши уже главнымъ начальникомъ по управленію Богородицкими казенными волостями, занялся примѣненіемъ теоріи къ практикѣ въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ городѣ Богородицкѣ Болошовъ замѣтилъ ключъ, вода котораго содержитъ обильное количество лекарственныхъ веществъ, и писалъ объ этомъ; но какъ на открытіе его не обращено было надлежащаго вниманія со стороны врачей, то о минеральной водѣ нашего Тулянина и забыли... Вскорѣ оставивъ и навсегда коронную службу, онъ переѣхалъ въ родовое свое имѣніе, село Дворяниново, гдѣ и прожилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ мудрецъ, въ совершенномъ уединеніи. Въ 1803 году А. Т. напечаталъ: «Краткія и на опытноспи основанныя замѣчанія о электрицизмѣ и о способностяхъ электрическихъ машинъ къ помоганію разныхъ болѣзней.» — Сочиненіе это издано Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, въ «Трудахъ» котораго находится много его статей. Но обильный запасъ трудовъ А. Т. остался для насъ неизвѣстнымъ. Никто, можетъ быть, не вѣдъ такихъ подробныхъ записокъ, какъ А. Т. Они состоятъ въ тридцати объемистыхъ

помахъ, переписанныхъ на-бѣло. Небольшой отрывокъ изъ нихъ напечатанъ былъ въ Сынѣ Опечесства 1839 года въ № 4-мъ подъ названіемъ: »Новоселье въ зимнемъ дворцѣ.« Всѣ надѣялись видѣть его продолженіе: надежда насъ обманула. Желательпо, чѣтобъ они вполнѣ были изданы въ свѣтъ. Кому же болѣе озабошиться объ этомъ дѣлѣ, какъ не родному внуку покойнаго, Полковнику Болошова, котораго собственныя произведенія по части Высшей Математики положительно доказывающъ основательную его ученость. А. Т. скончался Алексинскаго уѣзда въ селѣ Дворяниновѣ въ Ноябрь, 1833 года, имѣя осьь роду не 96, какъ уѣряешъ Г. Языковъ, а шолько 89 лѣтъ. Бренныя останки Болошова преданы землѣ шого же уѣзда въ селѣ Русяшинѣ. Біографія его находится въ Земледѣльческомъ Журналѣ, которая оппечатаана и особою брошурою.

Не возможно пройши молчаніемъ одного событія, памятнаго для тѣхъ, кто былъ очевиднымъ свидѣтелемъ этого умилительнаго зрѣлища: я говорю о торжественномъ воспоминаніи заслугъ покойнаго А. Т., заслугъ, которыми Вольное Экономическое Общество воздало должныя почести. Примѣръ, едва ли не единственный въ лѣтописяхъ воспоминаній! Вошь какъ происходило это торжество.

Въ обширной залѣ Общества поставленъ былъ въ приличномъ мѣстѣ богатый шкафъ, въ которомъ находились всѣ сочиненія и переводы Болошова, а поршрешъ его, долженствующій навсегда украшать эту залу, помѣщался на стѣнѣ. Въ назначенное программю время Члены и многочисленная публика собрались въ домъ Вольнаго Экономическаго Общества. Чрезвычайное засѣданіе открылось рѣчью, въ которой исчислены были неушомимые труды покойнаго Болошова по части сельскаго хозяйства; упомянуто о пламенной любви его къ своему опечеству, которому онъ принесъ въ даръ все, что могъ; сказано и о рѣдкой добротѣ его сердца. Орашоръ, одушевленный заслугами и доблесшями одного изъ старѣйшихъ Членовъ Общества, глубоко уважаемаго и за предѣлами гроба, обращась къ поршрешу, говорилъ красно-рѣчиво и пронуль до слезъ внимательныхъ своихъ слушателей, которые съ чувствомъ благодарности шакже обращали взоры на почтенныя черпы девяношпольшнаго старца, давно уже шлѣющаго въ могилѣ.....

В. А. Левшинъ былъ однимъ изъ дѣяшельнѣйшихъ писателей Русскихъ. Между тѣмъ какъ тысячи его современниковъ цѣпенѣли въ лешаргическомъ бездѣйствіи, В. А., посвятивъ всю свою жизнь липперапурѣ и сельскому хозяйству, печаталъ множество сочиненій и переводовъ. Боллоповъ, Новиковъ и Левшинъ всѣми зависѣвшими отъ нихъ средствами спарались подвинуть впередъ нѣкоторыя отрасли просвѣщенія, хотя направленіе умшвенныхъ ихъ занятій совершенно параллельны были одно другому. Взгляните въ „Роспись Россійскимъ книгамъ“ Смирдина, и вы невольно удивитесь разнообразнымъ трудамъ В. А. — однихъ названій до пятидесяти, а книгъ, имъ изданныхъ, восходитеъ до полушорасца... Такая плодovitость изумляетъ и даже ужасаетъ!.. Пересматривая его изданія, замѣчаешь не поверхностное изученіе всѣхъ отраслей наукъ, а обширныя познанія, которыми обладаютъ не многіе изъ новѣйшихъ писателей. Пушкинъ не могъ умолчать о В. А. въ своемъ Евгениі Онѣгинѣ, и его два стиха скорѣе напоминаютъ о Левшинѣ опдаленному потомству, нежели всѣ полшорасца помовъ, написанныхъ В. А. Кто, спрашиваю васъ, не знаетъ наизусть эшихъ стиховъ Пушкина:

Вы, школы Левшина пшенцы,
Вы, деревенскіе Пріамы?....

Справедливо, Левшинъ, основатель школы по часпи хозяйственной, былъ ревностнымъ ея представителемъ. Драматическія созданія его — бухнули въ Лешу. Только одна комедія В. А.: „Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ,“ довольно долго держалась на сценѣ.

Радуясь успѣхамъ его на поприщѣ, имъ избранномъ, мы, Туляне, упрекали Левшина въ равнодушіи къ своей родинѣ. Дѣло вошь въ чемъ. У насъ не было, какъ и теперь нѣтъ, исторіи Тульской Губерніи, а добрый нашъ землякъ и не думалъ объ эшомъ недоспаткѣ. Мы наспопательно повторили общее наше желаніе, и Левшинъ не остался въ долгу... Онъ составилъ „Описание Бѣлева и его уѣзда.“ Не помню, гдѣ-шо оно было напечатано.

Наконецъ надобно сказать, что при всей липперапурной дѣяшельности, В. А. не успѣлъ, однако, напечатать остальныхъ своихъ швореній. Его переводъ съ Нѣмецкаго

знаменитой «Церковной Исторіи» Арнольда находится въ рукописи; его портретъ, наполненный любопытнѣйшими матеріалами, относящимися до естественныхъ наукъ и доводовсва — также; его автобіографія — также. Согласитесь, что интересъ этихъ сочиненій далеко перевѣшиваетъ содержаніе сотни нѣкоторыхъ печатныхъ книгъ и книжонокъ, въ послѣднее время изданныхъ, Богъ знаетъ для кого. Остатокъ своей полезной жизни Левшинъ провелъ въ селѣ Темрянѣ, ему принадлежавшемъ, замѣчательномъ какъ по прелестнѣйшему мѣстоположенію, такъ и по историческимъ воспоминаніямъ. В. А. скончался 83 лѣтъ. Некрологъ Левшина, написанный Ив. Фед. Афремовымъ, напечатанъ былъ въ Сѣверной Пчелѣ 1827 года, вскорѣ послѣ его смерти. Прахъ этого честнаго, добраго гражданина и трудолюбивѣйшаго липперашора покоится съ миромъ въ селѣ Темрянѣ, въ пяти верстахъ отъ Бѣлева.

Прежде, нежели О. Г. Покровский сочинилъ свою «Исторію Тульской Губерніи», изъ которой скажу къстати, нѣсколько страницъ вошло въ Географическій словарь Шкалова (*), Профессоръ и Докторъ Филиппъ Генрихъ Дильтей написалъ: «Собраніе нужныхъ вещей для сочиненія новой Географіи о Россійской Имперіи, часть 1-я: о Тульскомъ Намѣстничествѣ» 1781 года. Кромѣ того онъ составилъ и подробнѣйшую ему карту. Въ трудѣ Профессора принималъ живѣйшее участіе В. А. Левшинъ. На картѣ его означены всѣ, рѣшительно всѣ достопримѣчательности нашего края съ математическою точностію. На ней показаны и развалины городовъ, копорыхъ нынче и слѣдовъ не видно. Но да удивляющая любители географическихъ знаній: картою Дильтея владеетъ Ив. Фед. Афремовъ, знапокъ нашихъ опечетвенныхъ древностей, который — я ручаюсь — не откажется бы тому, кто пожелалъ бы напечатать эту любопытную рѣдкость. Если бы у насъ составлены были карты, подобныя картѣ Дильтея, каждой Губерніи, то мы узнали бы нашу Великую Имперію основательнѣе. Гдѣ у насъ географическія пособія, вполнѣ удовлетворяющія не только ученыхъ, но даже любознательнаго гражданина? Такихъ картъ и ша-

(*) Также и въ Политическій и Статистическій Журналъ 1807 года, издаваемый Гавриловымъ.

кихъ книгъ у насъ пока нѣтъ и, можетъ быть, долго не будешь, потому что многіе изъ насъ, къ стыду нашему, не жалуютъ работы, пребующей напряженнаго ума, совершеннаго знанія дѣла и шептливыхъ озабочиваній. Къ стыду нашему, нѣкоторые изъ насъ и учатся по книгамъ и картамъ, коихъ текстъ — на Французскомъ языкѣ.... Эшого мало: ученые наши географы, разсуждая о нашемъ отечествѣ, ссылаются на показанія Мальбрена, какъ на несомнительный авторитетъ своихъ доказательствъ о Русь!...

Не стѣсня себя хронологическою послѣдовательностію, я разсказываю вамъ о шѣхъ писателяхъ нашей Губерніи, о кошорыхъ прежде вспомнилось, слѣдовательно вы не въ правѣ упрекашь меня въ эшомъ отношеніи. Предоспаляю ученымъ подбирать года къ годамъ, а я между шѣмъ буду продолжать, благо разговорился, сказалъ Тульскій старожиль, спараясь оживишь улыбкою грустныя черпы почтеннаго лица своего.

Въ духовной нашей іерархіи имя Уара Сергѣевича *Ненарокова*, Пропоіеря каедральнаго собора, ошанелся надолго памятнымъ. Обучая юношество Богословію въ здѣшней Семинаріи, онъ былъ такимъ шрудолобивымъ дѣлашелемъ и вмѣстѣ ученымъ педагогомъ, какихъ дай Богъ всегда видѣшь и въ Университетахъ. Ему должны быть благодарны люди, занимающіе теперь почетныя должности въ Государствѣ: онъ былъ ихъ наспавникъ. Сочиненія Ненарокова не изданы Изъ нихъ: «Историческія показанія о бракахъ» достойны извѣстности. У. С. умеръ въ 1810 году.

Панк. Плат Сумароковъ родился 1765 года во Владимірѣ. — Онъ сполько же извѣстенъ литературными своими произведеніями, сколько и несчастіями своими. «Казалось, надъ самою колыбелью его начали собираться тучи, кошорыя впоследствии шакъ грозно надъ нимъ разразились,» говоритъ сынъ его, П. П въ «Жизни» своего родишеля. Всѣ сочиненія и переводы эшого остроумнаго писателя разбросаны по разнымъ Журналамъ. Но и самъ Панкр. Платъ издавалъ, въ Тобольскѣ и Москвѣ, при Журнала подъ названіемъ: «Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену,» въ 1791 году; «Библіошеку ученую, экономическую, нравоучительную, историческую и увеселишельную,» въ 1793 и 94 годахъ, кошорая составляла 12 шомовъ. Въ 1804 году, началъ было

издавать Вѣстникъ Европы, по прозвѣбѣ Карамзина, но не имѣя соудружковъ, изнуривъ себя неумѣренной работою, занемогъ и бросилъ все. Тогда-то онъ написалъ маленькую стихопворную пьеску въ шупливомъ шонѣ, кошорой каждый стихъ выражаетъ горькую испину въ жишейскомъ нашемъ бытѣ. Слушайте :

Блаженъ, кому всегда печаль и скука чужды;
 Блаженъ, кпо не имѣлъ въ родныхъ ни раза нужды;
 Блаженъ, кпо не ропсалъ во вѣки на судьбу;

.....
 Спо крашъ блаженна па Палаша,
 Кошора презвыми подъячими богаша;
 Блаженъ, кпо не имѣлъ однакожъ съ ними дѣлъ.
 Блаженъ, кпо опъ стиховъ своихъ разбогашѣлъ;

.....
 Блаженъ, ревнивый мужъ, прожившій безъ роговъ;
 Блаженъ, кпо дослужасъ до спаршихъ Генераловъ,
 Ни разу не видалъ ни пушекъ, ни враговъ;
 Блаженъ, кпо не бывалъ издавателемъ Журналовъ.

Стихопворенія Панкр. Паш. Сумарокова изданы 1852 года, особою книжкою. Въмѣсто предисловія къ ней приложено: »Жизнь» его, кошорая спбшитъ любаго романа. Сумароковъ скончался 1814 года, Марта 1 го, на 49 году опъ рожденія и похороненъ Каширскаго уѣзда, въ сельцѣ Кунеевѣ.

Р. Т. Гонорскій, сынъ Священника, родился 1790 года, и обучался въ Тульской Семинаріи; пошомъ въ Демидовскомъ Высшихъ Наукъ училищѣ, и окончилъ свое образованіе въ Пестербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ. Стихопворенія Гонорскаго напечатаны были въ »Другѣ Юношества, плохомъ журналѣ Невзорова. Литературные труды его: I. Pratique de la langue française, II. Духъ Горация и Тибулла, III. О подражательной гармоніи слова, IV. Опыты въ прозѣ и стихахъ, V. Украинскій Вѣстникъ, вмѣстѣ съ другими. Переводы: I, Мейзелева Стаписшика, съ собственными примѣчаніями, II. Теорія музыки, соч. Гессъ-де-Вольве. Гонорскій печашалъ всѣ свои произведенія въ Харьковѣ, гдѣ былъ Адъюнктомъ въ памошнемъ Университетѣ. Біографія его помѣщена въ »Соревновашелѣ Просвѣщенія, Спб., 1819 г. N X.

(Второе дополненіе въ слѣд. номеръ.)

МОСКВИТЯНИНЪ.

1845.

ЧАСТЬ III.

№ 6.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

КЪ РАДОСТИ.

(Изъ Шиллера).

Дочь Элизіума, Радость!
Искра Бога въ долю намъ!
Мы огнемъ упившись въ сладость,
Входимъ въ швой священный храмъ!
Ты зовешь любви въ объяшья
Чады враждебной суешы!
Тамъ и Царь и нищій — брашья,
Гдѣ крыломъ приникнешь ты!

Хоръ.

Обнимитесь, Милліоны!
Мірѣ! лобзаніе тебѣ!

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ СТАТЬѢ О ТУЛѢ.

(Къ страницѣ 603.) Изъ писателсѣй нашей Губерніи новаго поколѣнія, копорыхъ труды, чисто-литературные, безъ всякаго сомнѣнія первое мѣсто принадлежишь П. П. Сумарокову, сыну покойнаго Панкр. Плаш. — Оно принадлежишь ему не по старшинству лѣтъ; П. П. еще молодъ, и не по рангу, потому что ранговъ нѣтъ въ литературной анархіи, а по внутреннему достоинству его произведеній. Первые опыты его пера появились въ Московскомъ Телеграфѣ 1826 года: это разумѣется, были списки, написанные робкою рукой. Потомъ мы съ неприимворнымъ удовольствіемъ читали въ томъ же Журналѣ (въ 1829—1830 годахъ), при его повѣстии: «Жокешство и Любовь», «Предубѣжденіе», «Кольцо и записка». Какъ ихъ забышь: они такъ хороши! Впослѣдствіи онъ написалъ: «Вечеръ передъ свадьбою», «Колодець», «Интересная Познакомка», «Спрошка», «Первые уроки любви и славы», «Наслѣдница», «Бѣлый человекъ, или Невольное суетвріе». Хотите ли знать мое мнѣніе о произведеніяхъ П. П.? Вотъ оно:

Безприсрасшно говоря, всѣ его повѣсти и рассказы согрѣши чувствомъ, всегда неподдѣльнымъ, проникнушы какою-то тревогою сердца, какимъ-то желаніемъ высказашъ задушевныя свои думы, сокровищницу своего нравственнаго бытія, своей «панпазіи». Если его произведенія не художественны, если они не выдержашъ убійственнаго взгляда спрогой кришики, требующей опъ дарованія совершенства въ искусствѣ, коего нѣтъ въ природѣ человека, за то у него найдете цѣлый рядъ разнородныхъ каршинъ, написанныхъ яркими красками и хужественнымъ перомъ, найдете спрасти не бѣснующіяся, не закаленные въ развратѣ опвращпельнаго общества, но живошрепещущія, такъ сказашъ, благородною энергіею, спрашти, копорыхъ интересы какъ бы

опбрасываютъ опть себя безчисленныя нипи собыпій, имѣющихъ неразрывную связь съ цѣлымъ его разсказомъ или повѣстію; найдете поѣшическіе очерки: П. П. мастерски умѣеть находить поѣшическіе элементы въ самыхъ обыкновенныхъ происшествіяхъ произаической жизни, а характеры дѣйствующихъ лицъ въ его созданіяхъ, часто развитыя вополнѣ, національно-вѣрны съ оригиналами. Типы произведеній Сумарокова—существенность какъ она есть, но существенность, не оскорбляющая вкуса. Таковы мои убѣжденія о лирическихъ трудахъ Сумарокова, но они, мои убѣжденія, еще не есть приговоръ общепшвеннаго мнѣнія. Я слышалъ, что П. П., увлекаясь духомъ времени, написалъ драму и послалъ ее въ цензуру. Сердечно желаю ей блестящихъ успѣховъ на сценѣ.

— Да и вы сами, дѣдушка Ариспархъ, увлекаетесь духомъ времени, говорите съ-высока, высканцо, немножко опборными словами, замѣнили Мардарій.

— Упрекъ справедливый, другъ мой. Эта болѣзнь приличивѣ журнальной кришки, сухо опвѣчалъ Тульскій спарожиль. Впрочемъ, прибавилъ онъ, если ты будешь пребивать меня своими замѣчаніями, то я вѣкъ не окончу того, о чемъ я хошѣлъ вамъ сказать.

— Пожалуйста, говорите, дѣдушка Ариспархъ, я буду нѣмъ, какъ рыба.

II Тульскій спарожиль продолжалъ:

— Бошаника и въ особеннпши садоводство и огородничество соспавляютъ предметы постояннаго изучения П. П. Шварца. Собшвенныя сочиненія его (ихъ нѣсколько десятковъ книгъ) есть резульпашъ его хозяйшвенныхъ наблюдений, а переводы, имъ изданные, по этой же части, доказываютъ, что онъ слѣдитъ за развитіемъ новѣйшихъ опкрыпій въ бошаникѣ, садоводствѣ и огородничествѣ. Въ почтпности слѣдующіе наспавленія П. П., съ благодарностію опзываются о его трудахъ; но нѣкоторыя говорятъ, что пракшческие опыты, сдѣланные по руководству Шварца, имъ не разу не удавались; что теорія его, опноспительно плодпшыхъ деревьевъ, напримѣръ, окопировка, опспроена на шадкпихъ данныхъ; что сочпненія Цыгры и Дила, имъ

переведенные, также бесполезны для насъ, какъ бесполезны на Руси творенія знаменитыхъ Теэра, и Домбаля... Но я подозреваю въ этомъ говорѣ одну лишь зависть и недоброжелательство. Дѣлайте людямъ добро, они будутъ васъ хвалить, но найдутся и такіе, которымъ ничѣмъ не угодишь. Бѣлевскій нашъ хозяинъ, безпреспасно озабочиваясь о цвѣсахъ, грунтовыхъ и оранжерейныхъ расшеніяхъ, и не слушаетъ пересудовъ грозныхъ судей своихъ.

»Описаніе Тульскаго Оружейнаго завода, въ историческомъ и шехническомъ отношеніи,« сочиненное *И. Х. Гамельмъ*. Твореніе удивительное не только для насъ, Тулянь, какъ важное историческое пособие, но и для ученыхъ. *И. Х. Гамель* не принадлежитъ къ писателямъ, о которыхъ я вамъ рассказываю.

Н. Ѳ. Рождественскій, нашъ Тулянинъ, написалъ: »Красное руководство къ Логикѣ,« которое напечатано въ 1826 году.

А. В. Кисленская, проживая большую часть года въ своемъ Ефремовскомъ помѣстьѣ, лежащемъ близъ береговъ Красивой Мечи, принадлежитъ къ числу писательницъ нашей Губерніи. Она издала: »Путешествіе въ Росновъ,« напечатанное въ Москвѣ 1814 года. Она написала еще »Поздравку въ Воронежъ,« но сочиненіе это хранится еще въ рукописи. Мы, Туляне, конечно, не имѣемъ никакого права совѣшавать уважаемой нами *А. В.* занявшись болѣе прочными трудами въ словесности, но если бы мы имѣли такое право, то предложили бы ей написать спешью или пожалуй, брошюру о Красивой Мечи въ историческомъ отношеніи.

Покойный *Ѳ. Г. Покровскій* подробно высказалъ свои замѣчанія о »Шиловскихъ горахъ,« находящихся около береговъ этой рѣки, но твореніе его не напечатано, и, можетъ быть, никогда не будетъ напечатаннымъ, слѣдовательно новыя замѣчанія о нихъ были бы не только не лишними, но и чрезвычайно любопытными. Любители Историческихъ памятникъ спрашиваютъ, что такое »Княжій Верхъ,« упирающійся въ Красивую Мечь? Народное преданіе объ этомъ ужасномъ вертепѣ, когда-то бывшемъ убѣжищемъ Ташаръ, и попомъ разбойниковъ — любопытно въ высшей степени. Любители Историческихъ памятникъ желаютъ знать: дѣйствитель-

пельно ли находилсь изображеніе „Каменнаго Коня“, о которомъ разсказываютъ многіе, видѣвшіе будто бы собственными глазами эпошъ ошашокъ опдаленной древности? Чшо эпо шакое? Не подоль ли Вяшичской? Нѣтъ ли близъ него слѣдовъ капища? Впрочемъ, я привыкъ не вѣришь нѣтъ, которые только чшо разсказываютъ.... Пущь эпо господа опишутъ такую достопримѣчательность, и мы посмотримъ, да сообразимъ: справедливы ли они или нѣтъ, а безъ того крѣпко сомнѣваемся. О. Г. Покровскій не умолчалъ бы о ней въ своемъ „Топографическомъ описаніи“, но онъ говоритъ, чшо „между обыкновенными рѣчными рыбами славится ловимая щука (въ Красивой Мечѣ) крупная и опмѣнно вкусная рыба, называемая конь“, вѣрояшно принадлежащая къ роду *salioni*. Не имѣетъ ли эпо рыба конь какой нибудь связи съ разсказами о *каменномъ конь*?

Я обязанъ нѣкоторыми историческими указаніями почтенному Т. Т. Хитрову, Священнику Благовѣщенской церкви, чшо въ Туль. Пожаръ 1834 года испребилъ его достохвальной прудъ, который совѣтъ гоповъ былъ къ печати. Эшо печальное событіе лишило насъ „Историческаго, статистическаго и географическаго описанія Тульской Губерніи.“ Никшо лучше Т. Т. не знаетъ топографіи нашего края. Хитрову извѣстны всѣ почему нибудь замѣчательныя мѣстности. Я сказалъ вамъ, чшо пожаръ лишилъ его пруда, спокующаго ему не малыхъ материальныхъ пожерпвованій, однакожъ у него какъ-шо сохранились ошъ разрушительной стихіи нѣсколько черновыхъ пешрадей, и мы не пераемъ еще надежды увидѣшь ихъ напечатанными. Греческая Граммашика его ожидаешь окончательной опдѣлки.

Прошоіерей В. Б. *Боженковъ* — воспитанникъ нашей Семинаріи и потомъ бывшій Законоучитель Наслѣдника Престола. Сочиненія его: I. Поучительныя слова и рѣчи „II. Пища для ума и сердца, или собраніе Христіанскихъ размышлений; двѣ части. III. Правоучительныя повѣсти. Они изданы всѣ въ Пешербургѣ.

И. П. *Елагинъ* началъ было писать поэму: „Владиміръ;“ печаталъ изъ нее опрывки около 1829 года въ Телеграфѣ; печаталъ кое-чшо въ Московскомъ Вѣспникѣ и нѣкогда въ Вѣспникѣ Европы. Теперь занимается составленіемъ статистики Каширскаго уѣзда, и его историческими древностями.

Не далеко отъ Ефремова, на берегу тихой Пшани, тамъ, гдѣ эта рѣка омываетъ огромное село того же имени, живешь Н. П. Грековъ, котораго поэтическія произведенія болѣе нежели замѣчательны, рельефны, какъ нынче говорять. Н. П. Грековъ — поэтъ чувства, всегда почти грустнаго, скорбнаго, мечты, всегда почти задумчивой, унылой. Иногда одинъ его стихъ запрокиваетъ сердце, иногда одна его строфа надолго западаетъ на душу.... Произведенія Н. П. украшаютъ Б. для Ч. и Опеч. Записки, гдѣ онъ печатаетъ ихъ.

Н. П. *Евгеновъ*, издалъ »Краткое начертаніе древней Географіи.« Журналы наши едва сказали о немъ нѣсколько словъ, а публика.... да публика наша и знать не хочетъ подобныхъ произведеній. Всего удивительнѣе молчаніе нашихъ ученыхъ, и »Краткую Ариемешіку« для Тульской Гимназіи, въ которой онъ былъ учителемъ.

Есть люди съ значительнымъ запасомъ энциклопедическихъ познаній, которые большую половину жизни своей картели надъ сочиненіемъ, думая прославить имъ свое имя и — разрѣшились, подобно горѣ въ родахъ, литературными дѣтенышами, умирающими при своемъ рожденіи. Есть и такіе люди, которые считаютъ за смертные грѣхи опыты своего юношескаго пера, между — шѣмъ какъ опыты ихъ въ словесности совсѣмъ не шакъ дурны, какъ они воображаютъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ А. П. *Сытинъ*, Инспекторъ нашей Гимназіи. Въ молодости — онъ родился въ 1796 году и обучался въ Московскомъ Университетѣ, *Сытинъ* перевелъ съ Французскаго: »Валшеръ Монбари, Великій Магистръ Ордена Рыцарей Храма; 8 частей, и съ Нѣмецкаго. »Двѣнадцать спящихъ дѣвъ« Шписа; 8 частей. Господа хлопотуны о чужихъ дѣлахъ, за неимѣніемъ своихъ собственныхъ, упрекали А. П. за выборъ романовъ, не стоющихъ перевода, совѣтовали ему заняться классическими авторами, неудачно переведенными на Русскій языкъ!....

Желая чѣмъ нибудь быть полезнымъ мѣсту своего служенія, *Сытинъ* написалъ »Краткое начертаніе Всеобщей Исторіи.«

Тульская Семинарія образовала много своихъ воспитанниковъ, изъ которыхъ достойнѣйшіе пользуются огромною репутациею на поприщѣ ученыхъ занятій. Такъ, на примѣръ,

уроженецъ нашего края, Епископъ *Аванасій*, Ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи, имѣеть неопытлемое право на уваженіе и благодарность шѣхъ ревнителей истиннаго просвѣщенія, копорые видятъ въ его назидательныхъ сочиненіяхъ и переводахъ утѣшительные результаты глубокой его учености. Какъ опы знашока и любителя древностей опечеспвленныхъ, мы ожидаемъ опы него испорическихъ изслѣдованій, копорыми Его Пресвященство давно занимается.

Небольшое число проповѣдей, написанныхъ Священникомъ *Н. А. Боголюбовымъ*, ошасаетъ пока въ неизвѣстности (*).

А. Д. Левшинъ, бывшій Одесскій Градоначальникъ, путешествовалъ по Азіи, въ спранѣ полу-дикихъ ордъ, называющихся Киргизъ - Кайсаками. Онъ издалъ сочиненіе, въ копоромъ подробно описалъ кочевую жизнь этого народа и неизмѣримыя ихъ степи (**).

Я объявилъ вамъ шоржеспвенно, что сельское хозяйство въ обширномъ смыслѣ — не мое дѣло, попому что я родившійся и состарѣвшійся въ городѣ, не могъ воспринимать никакихъ впечатлѣній, не могъ имѣть ни малѣйшей склонности къ этой важной опрасли государственнаго благосостоянія. Вы можете называешь меня профаномъ, опспалымъ опы общаго движенія вѣка, спремещагося къ одной цѣли — къ барышничеству, выгоду, предпріятіямъ; но обвиняешь меня за то, что я не принимаю никакого участія въ агрономической дѣятельности, такъ широко и такъ бойко раскинувшей предѣлы своихъ многоспороннихъ элементовъ, значить обвиняешь въ преспуленіи невиннаго....

Пора мнѣ учиться! Однакожь, это не лишаетъ меня права постоянно слѣдишь за успѣхами и неудачами въ сельскомъ хозяйствѣ, за развитіемъ идей нашихъ экономовъ и промышленниковъ по масштабу иностранцевъ, — это не опни-маетъ у меня права и читаешь дѣльные замѣчанія и зашѣдливыя теоріи нашихъ вишій „деревенскихъ Пріямовъ.“ Съ нѣкошораго времени агрономія, свекловично - сахарное дѣло

(*) Они напечатаны въ С.-П.-Б. 1842 года съ благошворительною цѣлью: весь сборъ предоспавленъ въ пользу бѣднаго семейства.

(**) *А. И. Левшинъ*, спранный любитель путешествій, недавно написалъ: „Прогулка Русскаго въ Помпей.“

и коннозаводство обаятельно дѣйствующъ на умы далеко-видные и ошважные. Съ каждымъ листкомъ Газеты, съ каждою книжкою Журнала являющася безконечныя разсужденія о предметахъ, входящихъ въ кругъ эпитхъ занятій. Но гдѣ, которые получающъ упомянутыя Газеты и Журналы, слѣдуютъ ли они хоть нѣсколько насавленіямъ, совѣшамъ и увѣдомленіямъ авторовъ объемистыхъ спашей, утвердительно доказывающихъ какую-нибудь сомнительную теорію, поспроенную не на практическомъ результатѣ, а на одной только своей фантазіи? Нимало! Книги и періодическія изданія, (разумѣется экономическаго и технологическаго содержания) разрѣзываются тщательнo, читаются со всевозможнымъ вниманіемъ, попомъ попомъ равнодушно помѣщаются въ просторные шкафы на вѣчный покой: и о нихъ забываютъ навсегда. Какъ, спросите вы, развѣ читатели не имѣютъ собственнаго мнѣнія о помѣ, о чемъ они читали? Имѣютъ, да вопъ какое: »умозрительное ученіе въ сельскомъ хозяйствѣ — никуда не годится, говорятъ они. Если бы мы пожелали осуществлять тысячную мысль авторовъ, щедро предлагающихъ намъ разныя системы, открытія, средства и способы улучшить одну часть въ нашемъ хозяйствѣ, усовершенствовать другую, то мы рѣшились бы конецъ бы раззорились.... Въдѣ это все только мечты, мечты!« Какую же пользу доставляютъ своей публикѣ подобныя изданія? опять можете быть, спросите вы.— Кажется, никакой, кромѣ любопытства и проснаго, механическаго чшенія. Такъ для чего же и для кого же они печатаются? возражаетъ мнѣ. Право, не знаю. Воля ваша, а мы еще не выросли до того, чтобы быть хозяевами въ смыслѣ современныхъ требованій. Куда намъ до Сэра Синклера! Мы хватаемся то за одно, то за другое и почти ничего не умѣемъ сдѣлать порядочнаго. Когда-нибудь я поведу съ вами объ этомъ длинную рѣчь, а теперь только скажу, что изъ небольшого числа господъ коннозаводчиковъ въ нашей Губерніи, едва ли кто лучше и удовлетворительнѣе П. Н. Мясова высказалъ свои мысли о кровныхъ лошадяхъ. П. Н. Мясовъ извѣстенъ своимъ сочиненіемъ: »О конскихъ рисалищахъ и скаковыхъ лошадяхъ.« Оно напечатано въ 1824 году съ поршпрешомъ автора. Но спашьи его въ Опечественныхъ Запискахъ упрочиваютъ за нимъ имя первокласснаго

Русскаго охотника и знапока. Имѣя самъ отличной породы лошадей въ селѣ Лабинцовѣ, ему принадлежащемъ, онъ пишеть не наобумъ. Правда, ему дорого, очень дорого обошелся опытъ и знанія, да опытъ въ эпоху вѣшви хозяйства никогда и не бываетъ дешевле. Чипая мнѣнія П. П. Мянова, въ Оп. Запискахъ, бросившаго такой Европейскій взглядъ на коннозаводство въ Россіи, невольно подумаешь: почему бы автору не разсуждать такъ умно о людяхъ?....

То, что я сказалъ вамъ о сочиненіяхъ П. П. Мянова, можно, кажется, сказать и о спашьяхъ Ф. Х. Майера, напечатанныхъ въ Оп. Запискахъ. Въ эпихъ спашьяхъ Г. Майеръ высказалъ свои замѣчанія о собственныхъ наблюденіяхъ по части сельскаго хозяйства, и высказалъ такъ прекрасно, съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла, что невольно прочишаешь ихъ съ совершеннымъ убѣжденіемъ въ его добросовѣстность. Это не шѣ широковъщательныя и многошумяція произведенія какого-нибудь агронома, обанкротившагося надъ изученіемъ Рациональнаго Хозяйства, едва ли у насъ еще возможнаго, и выдававшего курсы единственно для того, чтобы и другихъ также обанкротить — Нѣтъ! спашья Майера чужды подобнаго шарлапанства, пошому что онѣ написаны въ духѣ умѣренныхъ желаній, проникнушы благородною мыслию — бытъ полезнымъ своему ближнему, и обличаютъ въ Авторѣ челоуѣка умнаго и крайне свѣдущаго въ шомъ, о чемъ онъ взялся говорить. Авторъ спашей завѣдываетъ богатымъ имѣніемъ Новосильскаго помѣщика Г-на Шапилова, жершвовавшего значительнымъ капиталомъ на осуществленіе теорическихъ выводовъ своего дѣятельнаго управляющаго. Опыты, купленные имъ цѣною изумительнаго шруда и чрезвычайныхъ денежныхъ издержекъ, другаго могли бы привести въ опчаяніе или, покрайней-мѣрѣ, могли бы поколебать довѣріе къ своему управляющему: но Г-нъ Шапиловъ принадлежитъ къ шѣмъ рѣшительнымъ людямъ, кошорыхъ никакія лишения и ошибки не въ состояніи отвратить отъ швердо-принятаго намѣренія. Онъ положительно знаетъ, что безъ лишений и ошибокъ еще не удавался ни одинъ на свѣшѣ опытъ. За шо шеперь, говоритъ, хозяйшвенная часть въ его имѣніи доведена Майеромъ до возможной степени совершенства.

Н. Т. Щегловъ родился въ нашей Губерніи и воспитывался въ одномъ изъ Тульскихъ учебныхъ заведеній. Его не

должно однако смѣшивашь съ Профессоромъ Н. П. Щегловымъ. Эпи однофамильцы, правда, писали объ однѣхъ Естественныхъ наукахъ, но Н. П. былъ учителемъ уроженца нашего Н. Т., кошорый въ свою очередь издалъ въ 1838 году, „Начальныя Основанія Физики, и попомъ въ 1841 году, „Химію для Воснно-Учебныхъ Заведеній.“ Его „Ариѳметика,“ благодаря вниманію Публики, дожидла до четвертаго изданія. Петербургскіе книгопродавцы, братья Заикины, купивши у Авшора рукопись, получили знашнй барышъ. Н. Т. Щегловъ написалъ также „Линейную перспективу; но это сочиненіе еще не издано и врядъ ли оно найдеть охотниковъ изъ книгопродавцевъ, кошорые пожелали бы пріобрѣсть его извѣстными средствами. Въдъ Линейная перспектива написана предпочтительно для живописцевъ, а живописцевъ, кошорые могли бы понимашь ее, у насъ мало, очень мало....

(Здѣсь мы обязаны сдѣлать postscriptum въ скобкахъ, именно въ скобкахъ, попому что Авшоръ, о кошоромъ мы намѣрены говоримъ, напечаталъ свое произведеніе уже послѣ продолжительныхъ бесѣдъ нашихъ, слѣдовательно его произведеніе не могло бытъ извѣстнымъ ни Тульскому спарожилу, ни намъ. Этошъ Авшоръ — И. В. *Линкъ*, это сочиненіе — обширная спашья его подъ названіемъ: „Историко-Спашиспическій взглядъ на города Тульской Губерніи,“ напечатанная во второмъ томѣ „Матеріаловъ для Спашиспики Россійской Имперіи.“ — Въ небольшой рамѣ Авшоръ умѣлъ написашь огромную каршину; другими словами: въ крашкомъ очеркѣ онъ сказалъ много, почти все, что шолько можно сказашь о провинціи, въ кошорой существованіе городовъ ошносится къ опдаленной древности. Мы, не посвященные въ Крипикъ, не можемъ, однакожь, опказашь себѣ въ удовольствіи поговоримъ о трудѣ И. В. *Линка*. Предметъ шакъ увлекашелень..... Развернули, „Спришперъ,“ какъ привидѣніе, опять - шакъ являешся съ своимъ 1147 годомъ! Боже, куда намъ дѣвашся опъ этого ученаго Нѣмца и опъ этого роковаго года?.... Какая бы не начиналась исторія Тулы, а Спришперъ шущъ - какъ - шущъ.... Да, помилуйте, господа бышописатели, въдъ Спришперъ, упоминая въ первый разъ о Тулѣ въ своей Исторіи Россійскаго Государства, выписалъ цѣлую фразу изъ Нико-

новой лѣтописи и умолчалъ о своемъ похищеніи. Для кого же издаются наши Сборники, если историческіе писатели не будутъ чинить ихъ, руководствуясь ими? Не ужели непременно надобно поддерживать тѣ басни, которыми до сихъ поръ убаюкиваютъ чиншителей, едва ли знающихъ о существованіи нашихъ лѣтописей? Не ужели мы вѣчно будемъ одинъ за другимъ полковать о томъ, о чемъ давно уже споры кончены здравою крипикою? Г. Линкъ отвергнулъ же сказку, довольно часто повторяющуюся, будто бы Алексинъ одолженъ своимъ началомъ сыну Невскаго, Данилу Александровичу Московскому, почему же почтенный авторъ не отвергнулъ и сказки о существованіи Тулы въ 1147 году? Пріятель нашъ Мардарій, съ которымъ мы вполне разделяемъ мнѣніе о нашихъ древностяхъ, подробно изложилъ его въ особой брошюрѣ, гоговой къ печати, и поному мы не распространяемся здѣсь объ этомъ предметѣ.

По всему видно, что Г. Линку не извѣсны были, во-первыхъ: »Историческое, Статистическое и Камеральное описаніе Тульской Губерніи, во-вторыхъ: Топографическое описаніе« нашего же края,—обширныя списки, напечатанныя въ »Полиграфическомъ журналѣ,« издававшемся Профессоромъ Гавриловымъ на 1807 годъ. Къ сожалѣнію, авторъ »Взгляда« не зналъ о добросовѣстныхъ трудахъ своихъ предшественниковъ; иначе онъ, извлекиши изъ нихъ данныя, никогда не теряющія сильнаго интереса, пополнилъ бы свое сочиненіе любопытными подробностями. Такъ, примѣръ, авторъ »Взгляда« ни слова не сказалъ о сексахъ нашихъ старообрядцевъ, о которыхъ доспадно упомянуто въ »Камеральномъ описаніи.« Предметъ, заслуживающій полнаго вниманія либератора, тѣмъ болѣе историческаго писателя, а на него-то и не обращено никакого взгляда! Пропускъ ничѣмъ не вознаградимый!.... Здѣсь слѣдовало бы дополнить эпозъ недоспадокъ выпискою изъ »Историческаго, Статистическаго и Камеральнаго описанія« самыхъ любопытнѣйшихъ извѣстій о раскольникахъ, но мы въ пренней спашѣ нашей представимъ объ этомъ право разсказать Тульскому старожилу, съ которымъ вы, чиншитель нашъ благосклонный, коропко уже знакомы.

Другое, не менѣе любопытное извѣстіе »Камеральнаго описанія,« также оспадено Г. Линкомъ безъ всякаго на не-

го взгляда. Мы хопимъ говорить о «Денгѣ Бѣлевской.» Ни штурецъ легонькой спашейки, писнушой въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ подѣ рубрикою «Бѣлевъ,» ни А. Г. Глаголевъ, ни И. К. Линкъ, и даже ни одинъ изъ нашихъ нумизматовъ не обрашилъ ни малѣйшаго вниманія на «денгю Бѣлевскую,» найденную въ 1781 году при копаніи погребѣ въ городѣ Бѣлевѣ. Сочинишель «Камеральнаго описанія» упоминаеть о ней въ Майской книжкѣ означеннаго Журнала того же года. Онъ доказываетъ своею находкою, что Бѣлевскіе Владѣшельные Князья имѣли собшвенную монету. «Эшу монету, говоришь онъ, получилъ А. И. Бунинъ, но гдѣ она по кончинѣ его находится, не извѣстно. Я самъ, продолжаетъ сочинишель, имѣлъ эшу «денгю» въ рукахъ моихъ, шщательно ее разсмапривалъ и вышписанное ушверждаю. Другая спорона сей монеты разѣдена ярью, и времени, когда она была биша, разрѣшить не можно.» Въ каксмъ она теперь находится миць-кабинешѣ, не знаемъ.

Опъ автора, котораго сочиненіе явно опноситея къ Исторіи, не имѣеть ли права чипашель шребовать и powerful историческихъ разѣисканій? Если ему предоставлется эшо право, шо спрашивается: почему Г. Линкъ не упоминаеть о двухъ древнихъ городахъ, коихъ развалины, или шочтѣе, признаки, находяшся, одного: на рѣкѣ Осемрѣ, при селѣ Толшыхъ, въ Веневскомъ округѣ; другаго: на рѣкѣ Соловѣ, въ 15 верстахъ опъ Крапивны? О первомъ городѣ сказано будеть во шпорой нашей спашѣ, и вопъ опвѣшь на вопросъ: почему мы уклоняемся здѣсь опъ дальнѣйшихъ объясненій о немъ, хопя «Камеральное описаніе» и подаетъ намъ къ шому поводъ; о шпоромъ городѣ посмошримъ, что сказалъ Г. Линкъ.

«Городъ (Крапивна) вышпроенъ на лѣвомъ берегу рѣки Плавы, прежней Саловы, по которой Крапивинцы нѣкогда именовались Соловьянами,» говоришь онъ. Эшо что-шо мудрено. По смыслу вышписанной фразы выходитъ, что Плава называлась прежде Соловой — не шакъ-ли? Но эшо очевидная обмолвка. Сочинишель «Камеральнаго описанія,» напрошивъ, вопъ что рассказываетъ: «Городъ (Крапивна), надлежавшій въ древности къ Соловянской области, которой жипели, по Исторіи, назывались Соловьянами, по рѣкамъ ли сего имени или по городу, который находился опъ нынѣшняго верстахъ

въ 15 выше по Соловъ рѣкѣ, и кошорого развалины видны и понинѣ.» А! теперь мы понимаемъ, во-первыхъ, что Плава сама по себѣ, а Солова сама по себѣ; во-вторыхъ, что выраженіе Г. Линка »Плавъ, прежней Соловы« не почно, что-бы не сказаць чего болѣе.

Кажешся, довольно и прехъ указаній на произведеніе, чтообы убѣдишься въ его сильномъ инпересѣ во всѣхъ ошношеніяхъ. — »Топографическое описаніе Тульской Губерніи« шакже не менѣе любопышно. Еще пожалтемъ о шомъ, что почщенный авшоръ »Взгляда« не зналъ шрудовъ своихъ предшешвенниковъ: опъ эшого спашья его не выигрываетъ, а много шеряетъ.

Мы не совсѣмъ довольны и длиною выпискою авшора изъ П. Г. Р. Карамзина. Для чего эшо? Всѣ знаютъ знаменное швореніе нашего Исторіографа. Краснорѣчивыя шпроки не доказательство. Не лучше ли, не надежнѣе ли было бы обрашиться къ лѣпописямъ, къ запискамъ современнымъ, къ акшамъ, изданнымъ Археографической экспедиціею, о кошорыхъ Тулянинъ нашъ забылъ.... Карамзинъ не зналъ, что близъ Тулы нѣтъ рѣчки Вороней. »Такъ называетъ ее Карамзинъ, замѣчаетъ Г. Линкъ, но, кажешся, эшо должна бытъ Воронка, текущая въ прехъ, или чешырехъ верспахъ опъ Тульскаго Кремля, подъ селомъ Мясовымъ.« Въ выноскѣ, выписанной нами изъ »Взгляда,« какъ нарочно вкрались при ошибки. Не кажешся, а дѣйствительное должно называть эшу рѣчку Воронкою, а не Воронеею; неопредѣлишельность разспоянія — вредишь довѣрїю чипашеля, наконецъ предлогъ »подъ« надлежитъ замѣнить словомъ — выше, пошому что Воронка имѣетъ свое шеченіе гораздо выше села Мясова. Что же касается до »деревянной площадки, кошорою запрудили Упу,« въ 1607 году, то мы скажемъ объ эшомъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь покажемъ замѣшимъ шолько, что о *деревянной* площаднѣ нѣтъ ни слова въ современныхъ докуменшахъ. Эшо — просши насъ шѣнь великаго! вымыслы..

Продолжаемъ говорить объ источникахъ, кошорыми руководшвовался сочинитель »Взгляда.« Мы, къ крайнему сожалѣнію, не можемъ сказаць ни худа, ни добра о »Тульскихъ писцовыхъ книгахъ,« пошому что издатель эшой спарины давно уже поколебалъ наше довѣрїе къ своимъ археографическимъ изысканіямъ. Не смотря на наше уваженіе къ нѣ-

копорымъ прудамъ нашего Тулянина, мы не вѣримъ ему на слово. Вспомните: какими блестящими ошибками наполнились его статьи въ Телеграфъ и Вивлювикъ, изданныхъ Н. А. Полевымъ. И теперь грустно подумаешь о слѣпомъ довѣрїи его въ родословную Гг. Кожинныхъ, нелѣпѣйшую изъ родословныхъ. И теперь не возможно безъ улыбки читаешь его наспояшельнаго убѣжденія о помѣ, будшо бы въ грамотѣ Меркулова, данной отъ Царя Симеона Бекбулашовича, слова: »первой день,« зачеркнушы продолжною черпою.... Увы! во всемъ этомъ нѣтъ ни на волосъ правды. Какъ же намъ, послѣ такихъ доказательствъ, безусловно вѣришь »Тульскимъ писцовымъ книгамъ....«

Авторъ »Взгляда« ссылаешся на »Историческія свѣдѣнія о Туль,« и на »Краткое обзорѣіе древнихъ Русскихъ зданій и другихъ ошечешвенныхъ памяшниковъ.« соч. А. Г. Глаголева. Статьи, имѣющія неопыемлемое достоинство, но онѣ, ошношительно Тульской Губерніи, опирающія всетаки на источники очень сомнишельные.... Тамъ, гдѣ будешъ говорено о древнихъ зданіяхъ въ Туль, вы увидише, читаешель нашъ благосклонный, что на нѣкоторыя изъ нихъ не обращено надлежащаго вниманія.

Теперь о топографическихъ, энциграфическихъ и спашистическихъ данныхъ.

»Положеніе Тулы не живописно,« говоритъ Г. Липкъ.— »Въ сравненіи съ ближайшими окрестноспями, она лежишь въ лоцинѣ (въ долинѣ?) и по этому ни съ которой стороны не видно далеко.« Сказавъ такую вопіющюю неправду, авторъ какъ бы сжалился надъ своею родиною, и прибавляешъ: »лучшій видъ съ Воронежской дороги, которая уже за нѣскольکو верствъ показываешъ Тулу во всемъ ея прошиженіи.« Прощиворѣчіе! Замѣшимъ, что лучшій видъ на Тулу не съ Воронежской, а съ Московской дороги.

»Положеніе Тулы не выгодно,« продолжаешъ авторъ »Взгляда,« потому что »мѣсто, занимаемое ею, не равно. Весною и осенью Тулица вышпупаешъ изъ береговъ своихъ, и тогда вода.... зашопляешъ даже Оружейную сторону и Чулкову слободу.« Почтенный сочинишель немножко согрѣшилъ прошивъ истины: вешняя вода заливаешъ только сады и огороды, лежащіе къ Упѣ и каналу, но не Оружейную сторону и Чулкову слободу.

»Слѣдствіемъ такоаго низменнаго и болопистааго положенія бывающъ болѣзни, на мѣспахъ сухихъ и возвышенныхъ мало или вовсе не извѣспныя.« Дѣло идешь о свойствѣ климата. Мы смѣло увѣрдемъ, что нашъ климатъ (какъ будшо мы живемъ подъ 64 градусомъ сѣверной широты!) здоровъ какъ нельзя лучше и, если у насъ занемогающъ горячками и лихорадками, шо, разсудите милоспиво, въ какой же спрантѣ міра сего не поражающъ народъ такаія болѣзни? Сравните число больныхъ въ Тулѣ съ больными въ другихъ губерспскихъ городахъ, и вы получите въ ипогѣ почти однѣ и шѣ же цифры.

»Положеніе Тулы не безопасно.« Авторъ разбираемой нами спашпи негодуешъ на кузницы, находящіяся внуспри города, и полагаешъ ошъ нихъ главную причину пожаровъ. Напрасное опасеніе! гдѣ, въ какомъ уѣздномъ или губерспскомъ городѣ, въ какой сполицѣ не бываешъ кузницъ подлѣ часпныхъ домовъ и лавокъ?

»Наружность Тулы бѣдна и неблаговидна. Тула вообще никогда не богата; теперь (въ 1841 году) при всѣхъ ей оказанныхъ пособіяхъ, оскудѣла совершенно.«— Ну, мы съ шпимъ не согласны и подаемъ аппелляцію на авшора — самому же авшору. Какъ! Тула »никогда не была богашою?« Почпенный сочиншель! вы несправедливы. Если Тула не богата, разумѣшся, купеческими капиталами, копорыхъ впрочемъ объявлено было въ 1841 году спшкомъ двѣспи, шо, скажите, какія же несмѣспныя богашства, напримѣръ, Пензы, Полшавы, Перми, Уфы? Бѣдспвія, спспгнувшія Тулу въ 1834 году и попомъ всю Губернію нашу въ 1839 году, конечно, нанесли глубокія раны шорговлѣ, подорвали кредипш и разспроили у многихъ соспояніе, пожаръ обезобразилъ нашъ городъ, — но теперь, теперь, благодаря Бога и благословляя шедрошы Царя Русскаго, мы, Туляне, не заслуживаемъ эпшеша »бѣдныхъ,« да и наружность нашего города можно назвашъ не шолько богашою, но даже роскошною. Взгляните безприсспрасшно на Тулу: она, — упошребимъ обвешшалоое выраженіе ршшоровъ, — обновилась, какъ фениксъ изъ пепла.... Неблагодарная наука спашспшника! Пройдешъ два, шри года, и факшы ея ушрачивающъ свою свѣжешъ.

Наши замѣчанія маловажны въ сравненіи съ достоинспвомъ »Испорико-Спашспшческааго взгляда.« Мы говори-

ли опкровенно, и если почтенный авторъ приметъ замѣчанія наши къ сердцу — намъ будетъ это очень непріятно и мы заранѣе просимъ у него извиненія въ помѣ, въ чемъ не слѣдовало бы извиняться).

(Другое *postscriptum*, также въ скобкахъ, посвящаемъ мы двумъ поэмамъ, копорыхъ прежде не знали, поэмамъ, не безъ дарованія, а созданія ихъ не безъ пріятнаго, гармоническаго стиха. Мы говоримъ о И. М. Меринскомъ и Д. А. Лихачевѣ).

Н. Андреевъ.

Село Торхово.

Кстати присоединимъ здѣсь два замѣчанія другаго нашего Корреспондента, на извѣстія въ первой статьѣ о Туль:

№ 2-й. Спр. 598-я, (во Внутреннихъ Извѣстіяхъ), покойному Николаю Пепровичу Свѣчину, приписана поэма *Александроида*, ее сочинилъ Павелъ Ивановичъ Свѣчинъ. — Н. П. былъ изрядный Поэтъ, опличный Акшеръ и музыкантъ, ловкій говорунъ, оспрякъ и красавецъ.

Тамъ же, на спр. 601-й, сказано что В. А. Жуковскій воспитывался у Дмишр. Гаврил. Поспникова. Онъ проживалъ иногда у него, а не воспиывался.

НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ЦЕРКОВНОЙ СЛАВЯНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Отрывки изъ писемъ Шафарика къ Редактору Москвитянина.

1843 г. 25 Марта.... Мое время посвящено Исторіи Славянскихъ литературъ. Я занимаюсь теперь опдѣленіемъ о церковномъ языкѣ и его литературѣ. Работа начинается утѣшать меня. Кашологи Востокова и Калайдовича со Спроевымъ приносятъ мнѣ прекрасныя услуги. Къ сожалѣнію не имѣю я: 1) Кашолога вашихъ рукописей, 2) Синодальныхъ, 3) Лаврскихъ, 4) Софійскаго Собора, 5) Кирилловскаго Монастыря, 6) Юсифовскаго. Я желалъ бы имѣть хоть крашкое исчисленіе. Для меня будетъ очень тяжело пропустить что-либо важное. Часно въ молодыхъ рукописяхъ заключающія древнія сочиненія и переводы: я нашель

МОСКВИТЯНИНЪ.

1849.

№ 11.-12

Июнь.

Кн. 1.-2

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ. — СТРАСТЬ. — ВОЛОКИТСТВО И КОКЕТСТВО.

I.

СЦЕНА ДѢЙСТВІЯ À VOL D'OISEAU.

Tous les jours étaient des jours de fêtes.

Fénélon, les *Aventures de Telemaque*.Où que la vie est gaie, quand on n'a pas vécu....
* * *

Отъ Вариньки Т. къ княжю Любинькѣ Z. (въ Москву).

Бинндорфъ, 25 Іюня 184....

О! сколько рассказывать! Вотъ уже недѣля, какъ мы живемъ въ Бинндорфѣ, душечка Любинька, вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ разсталась я съ тобою!...

Сначала все скучали дорогою, такъ жаль было оставить Москву и всѣхъ васъ, моихъ милыхъ. Долго думала я о пансіонѣ, покуда не перѣехали Русской границы. Все, что говорилъ намъ передъ выѣздомъ географической учитель, все вышло вздоръ, рѣшительно ничего нѣтъ интерес-

Отд. 1.

9

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПРОГУЛКА ПО ТУЛѢ И ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЕЯ ОКРЕСТНОСТЯМЪ. *

Есть на свѣтѣ тяжелые, неподвижные, чугунные люди, называющіе себя основательными, которые хотѣли бь, чтобы всѣ удовольствія были изъ цѣльнаго длиннаго куска, какъ Александровская колонна, и не постигаютъ поэзіи отрывка.

Не успѣли мы отойти и двадцати шаговъ отъ гаубтвахты, какъ Тульскій сторожилъ остановился, принявъ величественную позу и важный видъ. Что бы это такое значило? подумали мы, и въ недоумѣніи робко смотрѣли на нашего путеводителя; но прочитавъ во взорахъ его, оживленныхъ мыслию, непремѣнное желаніе говорить, мы успокоились и готовы были слушать дальнѣйшіе рассказы старика.

Лѣтъ за шестьдесятъ съ небольшимъ тому назадъ, сказалъ онъ, погрузивъ конецъ своей суковатой трости въ пыль, сметенную съ площади, вотъ здѣсь, на самомъ этомъ мѣстѣ находилось каменное строеніе съ маталлическими рѣшетками въ узкихъ окнахъ, котораго кровля изъ облитой черепицы отражала затѣйливыя фантастическія фигуры. Это каменное строеніе называлось въ то время «мѣшокъ.» На его мѣстѣ теперь существуетъ гаубтвахта, въ которой мы пили чай. Насупротивъ «мѣшка» была тюрьма (острогъ), упираясь другимъ фасомъ въ Крапивенскія

* См. Москвитинъ 1845 года NN 2, 5 и 6.

ворота. Эти ближайшіе сосѣди вмѣщали въ себя: такъ называемый мѣшокъ — людей, заключаемыхъ за маловажныя вины; тюрьма важнѣйшихъ преступниковъ. Но вотъ въ той круглой башнѣ, продолжалъ старикъ, указывая пальцемъ на югъ, что на углу крѣпости, противъ дѣвичьяго монастыря, былъ «застѣнокъ» или «застѣнье»^{*} Объ этихъ застѣньяхъ или застѣнкахъ, имѣемъ свѣдѣнія только отъ иностранныхъ писателей — Павла Ювія, Герберштейна, Олеарія, которые подробно рассказываютъ о каждомъ изъ нихъ съ изумляющею подробностію. Летописцы и другіе письменные наши памятники до XVIII вѣка рѣдко упоминаютъ о нихъ; а если и говорятъ созастѣнь, то умалчиваютъ о томъ, что тамъ дѣлалось. Такъ, напримѣръ, Псковскій летописецъ, изданный Академикомъ М. П. Погодинымъ, повѣствуетъ, подъ 1550 годомъ: «и по горѣ отъ большой стѣны и до стараго застѣнья отъ рѣки Псковы и до Великой рѣки и старое застѣнье.» Въ «Писцовой книгѣ Тульского Посада» читаемъ слѣдующее: «губная изба стоитъ на большой улицѣ (въ крѣпости). При губной избѣ придѣланъ застѣнокъ сыскныхъ дѣлъ.» Съ открытія Тульской губерніи, эта губная изба превращена въ «мѣшокъ», а придѣлокъ сломанъ. Въ башнѣ, о которой я вамъ говорилъ, всѣ отверстія закладены наглухо кирпичемъ, но сверху (съ Кремлевской стѣны) можно видѣть пустую ея внутренность, потому что своды, бывшіе въ ней, выломаны. Толстыя желѣзные кольца, крюки и родъ болтовъ съ дирами, вдѣланные въ стѣнѣ, — вотъ что свидѣтельствуетъ о минувшихъ временахъ. Говоря о «застѣньѣ или «застѣнкѣ», невольно вспомнишь о многозначительномъ выраженіи старины: «слово и дѣло.» Другое выраженіе старины также было пугалищемъ народа; но въ мое время его рѣдко уже слышали: я разумью «языкъ» — техническій терминъ, непонятный для васъ, молодаго поколѣнія. «Языка ведутъ!» вошилъ народъ и всѣ бѣжали отъ него, какъ отъ чловѣка, пораженнаго чумой. Повторяю, что во второй половинѣ прошедшаго вѣка «языковъ», рѣдко уже важивали по ули-

* Обстоятельное извѣстіе о пыткѣ и застѣньѣ см. въ «Повѣствов. о Россіи» Г. Арцыбышева, Т. III, стр. 450, примѣч. ХСІV.

цамъ, площадямъ и базарамъ, и я не помню, чтобы когда-нибудь съ ними встрѣчался.

Въ мое время Кремль населяли наредъ все нужнѣй, должностной. Деревянные домики, имъ принадлежавшіе, загромождали всю площадь его; здѣсь были четыре улицы: Большая Пятницкая, Борисова, Жукова и Ламакина. Кстатѣ замѣтимъ, что Жуковъ славился превосходнымъ почеркомъ: онъ писывалъ двумя пальцами: большимъ и указательнымъ безъ помощи средняго. Помню, что по Кремлевскимъ улицамъ, въ проливные дожди стояли огромныя лужи; грязь была непроходимая, потому что местовой тогда еще не существовало. Воеводскій домъ находился у Водяныхъ воротъ, на востокъ; воеводская канцелярія на сѣверъ; къ Ивановскимъ воротамъ, названнымъ вѣроятно по монастырю, примыкала Ламакина улица. Такимъ образомъ начальникъ города Тулы, живши въ крѣпости, исправлялъ и должность коменданта.

Собесѣдникъ нашъ, рассказавъ о крѣпости, повелъ насъ къ Предтечеву монастырю. Старикъ, находившійся подъ вліяніемъ одной идеи: сообщить намъ вѣрныя свѣдѣнія о Тулѣ, продолжалъ рассказывать слѣдующее. Эта обитель вѣры и терпѣнія достопримѣчательна какъ въ нашемъ краѣ, такъ и въ исторіи Русской Іерархіи. Построеніе ея относятъ ко второй половинѣ XVI вѣка, къ тому времени, когда городъ нашъ выдержалъ осаду, знаменитую въ лѣтописяхъ Тулы. «Въ Московскмъ Телеграфѣ» (забылъ годъ и номеръ) напечатана была небольшая статья о «Тулъской Писцовой книгѣ», которую собиратель нашъ нашелъ въ кучѣ бумажнаго хлама, нестоющаго выѣденнаго яйца. Статейка дышала свѣжестью извѣстій, и мы читали ее съ жадностію. Потомъ въ «Исторіи общественнаго образованія Тулъской губерніи» помѣщенъ былъ отрывокъ изъ Писцовой книги. — Въ самомъ дѣлѣ, какъ не порадоваться было такой находкѣ, въ которой подробно упоминается о Тулѣ, какъ бы забытой лѣтописцами; и собиратель поспѣшилъ объявить, что «Писцовая книга» свидѣтельствуетъ о построеніи Предтечева монастыря «Тулскими боярами и посадскими людьми за избавленіе города

отъ нападеній Крымскаго Хана Девлетъ-Гирея.» Такъ, кажется? Этотъ письменный памятникъ, за неимѣніемъ другихъ документовъ, конечно, источникъ не маловажный для насъ, Тулянь; но любителямъ старины отечественной любопытно было бы взглянуть на такую рукопись, которая рѣшила вопросъ окончательно. Можетъ быть, и правда, что она дѣйствительно существуетъ, а можетъ быть и нѣтъ. Гдѣ теперь находится Тульская Писцовая книга — Богъ ее знаетъ. Съ тѣхъ поръ сочинители историческихъ свѣдѣній о Тулѣ начали повторять то, что высказалъ Телеграфъ. Повторяйте, господа, повторяйте!... Въдѣ на совѣсти вашей не лежитъ отвѣтственность въ истинѣ. Какъ угодно, а я думаю, что не бесполезно было бы нашимъ провинціальнымъ археографамъ отчетливѣе говорить о рукописяхъ, находимыхъ ими въ архивахъ. Станется, что многіе пожелаютъ повѣрить списки съ подлинниками. Мысль о повѣркѣ на мѣстѣ списковъ съ подлинниками подалъ мнѣ М. П. Погодинъ, который замѣтилъ объ этомъ въ Телескопѣ 1852 года, N 24. Но не о томъ рѣчь. Если Писцовыя книги свидѣтельствуютъ о построеніи Предтечева монастыря въ Тулѣ за избавленіе города отъ нападенія Хана Девлетъ-Гирея, въ 1552 году, то надобно думать, что обитель выстроена въ продолженіе шестидесятихъ годовъ XVI вѣка. Изъ грамоты же, писанной въ 1640 году къ воеводѣ Замыцкому и напечатанной въ Исторіи общественнаго образованія Тульской губерніи, видно, что граждане и монашествующія братія просили Царя оставить за обителью мельницу подъ посадомъ на Упѣ, для того, что будто бы «въ монастырѣ церковь, и колокольня, и городьба, и кельи ветхи, а строить ихъ не чѣмъ.» Спрашивается: неужели въ какихъ-нибудь осемьдесятъ лѣтъ каменное строеніе до того могло обветшать, что требовало немедленнаго возобновленія, тогда какъ Кремль (крѣпость), сооруженный въ 1509 году, и обитель Похвалы Божіей Матери существуютъ и понынѣ?.. Странно! Впрочемъ стоитъ ли спорить о времени: полвѣка больше, полвѣка меньше, еще не прибавить знаменитости этой обители. Что же изъ этого слѣдуетъ поучительнаго для прагматика? Ровно ничего.

Однакожь я не совсѣмъ безусловно соглашаюсь съ извѣстіемъ Писцовой книги относительно основанія Предтечева монастыря. Знаемъ мы, какъ и когда пописывалъ эти часто пустыя произведенія старины! Древняя архитектура церкви о трехъ пирамидальныхъ главахъ во имя Похвалы Божіей Матери, находящейся въ сказанной обители, доказываетъ, что она едва ли принадлежитъ тому періоду времени, о которомъ возвѣстила эта рукопись. Во второй половинѣ XVI вѣка, уже не строили, кажется, подобныхъ храмовъ. Безъ всякаго сомнѣнія, во всей Россіи едва ли найдете и десять церквей съ тремя пирамидальными главами. Это стиль древнѣйшій, можетъ быть, типъ стиля истинно Русскаго, существованію котораго напрасно не вѣрять упорная заносчивость. Остатокъ такого зодчества можно видѣть въ Москвѣ (я разумю Воскресенскую церковь, что въ Гончарахъ, Ильи Пророка, что на Гороховомъ полѣ), въ Серпуховѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Пресвященный Амвросій, авторъ «Исторіи Россійской Герархіи,» имѣлъ основательную причину замѣтить: «таковые (пирамидальные верхи) были на церкви Владимірскаго Георгіевскаго монастыря» (на Клязьмѣ), говоритъ онъ, описывая нашъ Предтечевъ монастырь. А церковь Георгія Побѣдоносца воздвигнута была въ 1229 году, Георгіемъ Долгорукимъ. Эти три вѣковые стража, главы которыхъ увѣнчаны символомъ христіанской вѣры, не измѣняя другъ другу, все еще стоятъ задумчивые и печальные, все еще грозны для духа тьмы и врага Слова. Правда, время наложило на нихъ разрушительную свою руку, прикоснулось къ нимъ губительнымъ своимъ дыханіемъ, покрывъ члены старцевъ мхомъ и плесенью; но три вѣковые стража, презирая время, еще долго, долго будутъ обозрѣвать окрестности Тулы и вести таинственную рѣчь съ современникомъ своимъ, Кремлемъ, который также охраняетъ другую святыню — Тульскій каедральный соборъ. Разсмотримъ этотъ храмъ внимательно. (Въ ту пору мы находились уже на дворѣ монастыря, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви Похвалы Божіей Матери.) Не правдали, продолжалъ нашъ путеводитель, что на немъ лежать слѣды вкуса, или правильнѣе, безвкусія отдаленныхъ вѣковъ. Посмотрите:

окошки и двери сдѣланы безъ всякой симметріи, безъ размѣровъ: одно другаго больше, одно другаго ниже. Нѣтъ ни внутренняго, ни внѣшняго украшенія, которое бы останавливало взоръ наблюдателя, ищущаго затѣпчивыхъ вычурностей въ зодчествѣ. Какая бѣдность изобрѣтательности! какая грубость въ формахъ! какъ все это тяжело, мрачно и угрюмо!... Но въ этомъ отсутствіи изящнаго я вижу глубокой смыслъ: зодчій, проникнутый релігіознымъ чувствомъ, думалъ, что всякое изящное искусство ничтожно въ зданіяхъ, назначенныхъ для богослуженія—«суета суетствъ» потому что они посвящаются Тому, передъ которымъ «тѣсна возстать и высота вселенной»....

Расказывая о древностяхъ Тульскихъ, старецъ, восхищенный предметомъ для него любезнымъ, увлекался до энтузіазма, до поэзіи, а мы этого-то въ немъ и не подозрѣвали.

— Что осталось здѣсь отъ всеразрушающаго времени? продолжалъ онъ, обводя вокругъ взоромъ. Осталось немного. Храмъ во имя Похвалы Божіей Матери, келіи монашествующихъ, небольшой двухъэтажный домъ, гдѣ теперь помѣщается духовная консисторія и ея архивъ, западная башня, прочія давно разобраны за ветхостію и, наконецъ, часть каменной ограды, близкой къ паденію. Вотъ все, что уцѣлѣло до нашихъ дней... Древность священная! я преклоняюсь предъ тобою мыслію, прибавилъ Тульскій старожилъ, и мы вступили подъ темные своды храма, о которомъ онъ говорилъ... Когда мы вышли изъ церкви, древнѣйшей въ городѣ, путеvodитель нашъ, указывая на сѣверную сторону двора, находящагося между храмомъ и монастырскою стѣной, сказалъ:

— Вотъ здѣсь было нѣкогда кладбище этой обители. Въ граматѣ Царя Михаила Федоровича, писанной въ 1636 г., упоминается о томъ, что «били намъ (то есть ему Государю) челомъ Туляне, дворяне и дѣти боярскіе всѣмъ городомъ на Туль, на посадѣ, наше богомолье монастырь Ивана Предтеча, и родители ихъ, которые побиты на нашихъ службахъ и въ осадѣ, со всякой осадной нужи, померли, лежатъ въ томъ монастырѣ....» Въ синодикѣ (мы видѣли

его въ алтарь) также упоминается о многихъ знаменитостяхъ XVII вѣка, которыхъ прахъ съ миромъ покоится въ этой заштатной обители. * Сюда приносили гробы бѣдныхъ иноковъ, въ борбѣ, въ постѣ, въ молитвѣ совершавшихъ труженнической подвигъ; сюда же парадная колесница привозила и гробы богатыхъ. И что же мы видимъ? Смотрите! теперь нѣтъ и признаковъ кладбища.

Въ Тульскомъ Предтечевъ монастырѣ управленіе было всегда игуменское, что доказываютъ грамоты, данныя отъ Царей этой обители и хранящіяся въ ея архивѣ. Съ учрежденіемъ духовныхъ штатовъ (въ 1764 г.) его исключили изъ класса монастырей; но монашествующіе постоянно жили въ немъ до учрежденія Тульской епархіи. Въ старину, разумно старину отдаленную — XV и XVI вѣка—Коломенскіе и Каширскіе Архіепископы имѣли свой архіерейскій домъ въ каменномъ городѣ (крѣпости), находившійся у Пятницкихъ воротъ, на большой улицѣ; о чемъ свидѣтельствуетъ Писцовая книга Тульскаго посада. Въ 1799 году, Преосвященный Меѳодій первый прибылъ въ Предтечевъ монастырь, въ званіи Епископа Тульскаго и Бѣлевскаго, гдѣ и занялъ настоятельскія келіи, на мѣстѣ которыхъ построили домъ собственно для Архіереевъ, съ домовою церковію.

Литературныя произведенія Меѳодія мало извѣстны любителямъ духовнаго чтенія. Онъ написалъ: «Первые три вѣка церковной исторіи» на Латинскомъ языкѣ въ одной книгѣ, in-quarto, которой нѣтъ въ переводѣ. Архимандритъ Иннокентій, сочиняя «Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII вѣка,» если не руководствовался трудомъ Меѳодія, то имѣлъ его въ виду. Обладая твердою, высокою душою, умомъ свѣтлымъ и образованнымъ, онъ говорилъ небольшія поученія, (они всѣ напечатаны), которыя, надобно признаться, — были примѣчательны болѣе по обширной учености автора, нежели въ

* Онъ писалъ уставомъ на бумагѣ въ четвертку, нѣкоторыя оглавленія и всѣ начальныя буквы киноварью. Этотъ синодикъ построилъ бояринъ дворецкій и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово; слѣдовательно лицо историческое.

литературномъ отношеніи. Съ прїѣздомъ Меѳодія въ Тулу все приняло лучшій видъ. Строгій и справедливый, онъ, не смотря ни на какое лицо, преслѣдовалъ зло и беззаконіе на каждомъ шагу, но мщенія въ немъ не было и тѣни, потому что онъ имѣлъ душу добрую и чувствительную. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что онъ никого не сдѣлалъ несчастнымъ.

Меѳодій оставилъ насъ въ 1804 году, будучи назначенъ Экзархомъ Грузіи.

Епископъ Амвросій... При одномъ имени этого достойнѣйшаго нашего Архипастыря въ душѣ современниковъ его воскресаютъ самыя грустныя, самыя печальныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ, самыя прїятнѣйшія объ немъ воспоминанія. Какъ всѣ его любили, уважали, благоговѣли къ его краснорѣчивому поученію, къ его проповѣди! Сколько разъ тронутые до глубины души его доводами, его ораторскими движеніями, евангельскою истиною, которую онъ умѣлъ такъ понятно, такъ увлекательно передать слушателямъ, мы, современники незабвеннаго, плакали! И сохрани насъ Боже стыдиться этихъ слезъ! Слезы наши выражали глубокое вѣрованіе въ поученіе нашего архипастыря, восторженнаго религіознымъ чувствомъ. Онъ говорилъ въ формѣ поучительной, исполненной кротости бесѣды того добраго пастыря, о которомъ упоминается въ Евангеліи. Превосходное его «Слово въ день Великой Пятидесятницы,» сказанное имъ въ кафедральномъ соборѣ, напечатано, кажется, если не ошибаюсь, въ Собраніи образцовыхъ сочиненій, изданныхъ Тургеневымъ, Жуковскимъ и Воейковымъ. Это поученіе, проникнутое словами Божественнаго Страдальца, говорившаго, что «душа его скорбитъ до смерти,» есть одно изъ художественныхъ произведеній духовнаго краснорѣчія. Вообще говоря о его литературныхъ трудахъ, заключающихся въ поученіяхъ, которыхъ, къ сожалѣнію, напечатано только три, надобно сознаться, что они прямо идутъ къ сердцу и достигаютъ своей цѣли — убѣжденія. Однако же были и такіе случаи, въ которыхъ Амвросій, какъ витія и архипастырь, металъ страшные перуны своего слова въ людей престу-

пившихъ законы Божескіе и человѣческіе. Такъ, напри-
мѣръ, рѣчь его при открытіи дворянскихъ выборовъ въ
1815 году, говоренная имъ предъ окончаніемъ литургіи въ
соборъ, сдѣлала глубокое впечатлѣніе на слушателей. Кто
изъ нихъ не помнитъ знаменитыхъ выраженій, на текстъ,
заимствованный имъ изъ второй книги Моисея: «и ввергохъ
злато въ огонь и изліяся телець.» *

Я назвалъ Амвросія пастыремъ добрымъ, потому что
«пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы.» Это спра-
ведливо; я не хотѣлъ преувеличить доблестей мужа, давно,
давно уснувшего о Господѣ сномъ непробуднымъ, вѣчнымъ.

Онъ переведенъ былъ изъ Тулы въ Казань Архіепис-
копомъ.

Послѣ его къ намъ прибылъ Преосвященный Семі-
онъ. Имъ сказано было нѣсколько проповѣдей, и ни одна
изъ нихъ не напечатана. Это тотъ самый Архіепископъ,
который въ послѣдствіи принималъ участіе въ переводѣ
псалтыри съ Славянскаго языка на Русскій. По возведеніи
его въ санъ Архіепископа и назначеніи членомъ Святей-
тѣйшаго Синода, выбылъ въ 1818 году, а на мѣсто его
поступилъ Преосвященный Авраамъ, который также вско-
рѣ насъ оставилъ, именно въ 1821 году. Поученій Авраама,
говоренныхъ имъ во время управленія Тульской епархіею,
мнѣ не удавалось слышать; знаю только, что они не на-
печатаны.

Въ концѣ означеннаго года Туляне радушно встрѣ-
тили Преосвященнаго Дамаскина. Покойный Императоръ
Александръ Благословенный лично зналъ его еще въ то
время, когда онъ былъ Новгородскимъ викаріемъ. Въ про-
ѣздъ свой чрезъ нашъ городъ (въ 1823 г.), Его Величеству
угодно было спросить Преосвященнаго Дамаскина, давно
ли онъ въ Тулѣ? Архипастырь нашъ отвѣчалъ, что съ 1822
года. «Нѣтъ, Преосвященный, вы ошибаетесь, возразилъ
Императоръ. Вы прибыли въ Тулу въ исходѣ Декабря
1821 года.» Такую имѣлъ память Благословенный.

* Исходъ XXXII, стр. IV.

И могли ли они оба, Великій Государь и богомолецъ его, смиренный іерархъ, предчувствовать, что ровно черезъ два года одинъ встрѣтитъ другаго, облаченный въ траурную одежду, у заставы, при уныломъ трезвонѣ колоколовъ, когда вся Россія рыдала о своемъ отцѣ-Государѣ? По снятіи гроба Императора съ парадной колесницы и предъ окончаніемъ обѣдни, Преосвященный Дамаскинъ говорилъ надгробное слово. Предметъ этого произведенія, былъ великій, необъятный, какъ солнце, закатившееся за горизонтъ. Царственный прахъ внука Екатерины II-й, побѣдитель генія-полководца Бонапарте, отброшеннаго имъ съ береговъ Москвы на скалы, омываемыя Атлантическимъ океаномъ, — самодержавный обладатель шестидесяти милліоновъ людей, населяющихъ большую часть земнаго шара, — лежалъ во гробѣ, на катафалкѣ, подъ baldахиномъ, въ двадцати шагахъ отъ проповѣдника. Вся новѣйшая исторія — событія чудныя, почти баснословныя, если бы мы не были очевидными ихъ свидѣтелями — вся новѣйшая исторія, въ которой усопшій Государь, вмѣстѣ съ Наполеономъ, были первыми дѣйствующими лицами, выражающими всемірную славу, не только современную, но и грядущихъ вѣковъ, — сосредоточивалась въ этомъ небольшомъ свинцовомъ вмѣстилищѣ. О, сколько грустныхъ, душу терзающихъ ощущеній долженъ былъ перечувствовать, перестрадать, пережить, такъ сказать, десятки лѣтъ въ нѣсколько мгновеній, проповѣдникъ, обзрѣвая мыслію, умомъ, памятью и взоромъ дѣятельность нашего вѣнценосца и невозвратную утрату колоссальной Имперіи!.... Величіе предмета возбудило всю энергію въ нашемъ Архипастырѣ, и онъ, обливаясь слезами, сказалъ поученіе, проникнутое глубокою мыслію, свѣтлымъ взглядомъ и согрѣтое теплотою чувства неподдѣльнаго. Жаль, что это небольшое, но прекрасное литературное созданіе остается до сихъ поръ въ забвеніи, тогда какъ оно могло бы доставить истинное наслажденіе читающей публикѣ.

Н. Андреевб.

Село Тархово.